

Юлия Вознесенская

**Благодарю
за любовь**

«РУССКИЕ ДЕЛА»

ГРАФИНИ АПРАКСИНОЙ

Юлия Николаевна Вознесенская
Благодарю за любовь
Серия ««Русские дела»
графини Апраксиной», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818355

Вознесенская Юлия Николаевна. Благодарю за любовь.: Яуза-пресс,

Лента Книга, ЭКСМО; Москва; 2015

ISBN 978-5-91173-460-2, 978-5-905889-75-2, 978-5-4444-4508-2

Аннотация

Русский детектив германской полиции, графиня Елизавета Николаевна Апраксина, вновь сталкивается с необычным делом. Русский эмигрант – неудавшийся художник, авантюрист и убежденный герой-любовник, – найден мертвым в собственной квартире при самых загадочных обстоятельствах. Чтобы найти убийцу, графине предстоит расследовать механику побед героя над его женщинами. Действие снова происходит в пестрой среде русской эмиграции, где встречаются миллионеры и политики, творческие люди и мошенники, монахи и аристократы, новые эмигранты и потомки «первой русской волны». Графиня должна верно оценить всех этих людей, чтобы не только определить среди них убийцу, но и разгадать психологическую подоплеку преступления.

Содержание

Пролог. Отъезд из Берлина	5
Глава 1. Венок от Регины	14
Глава 2. Венок от Жанны	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юлия Николаевна Вознесенская Благодарю за любовь

Допущено к распространению Издательским
Советом Русской Православной Церкви

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2015.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2015.

© Вознесенская Ю.Н., 2015.

Пролог. Отъезд из Берлина

Виктор расплатился с портье, закинул ремень дорожной сумки на плечо, вышел из вестибюля гостиницы на Ратхаузерштрассе и остановился. Как же все-таки не любит он этот город, особенно его восточную часть! Прямо каким-то Штирлицем он здесь себя чувствует... Он свернул налево, к остановке метро «Магдалененштрассе», вышел на Франкфуртераллее, взглянул на часы и понял, что у него есть еще время прогуляться: он пройдет маленькими улочками и сквериками к другой остановке, не выходя больше на Франкфуртераллее. Виктор особенно не любил эту длинную загазованную магистраль, и не потому, что она когда-то называлась Хитлерштрассе, а потом – Сталиналлее, если произносить по-немецки, – ему до всей этой политической топонимики дела не было: просто уж очень уныло тянулась эта улица несколько безрадостных километров, и даже стройная серая телебашня в конце ее, с посверкивающим граненым шаром наверху, ничего не спасала, хотя Виктор знал и легенду о ней. А легенда была такая: когда архитектор строил башню, он будто бы обещал друзьям, что водрузит на ней крест. Друзья не поверили, но доложили куда следует. Архитектора арестовали незадолго до конца строительства, чтобы он не успел устроить свою диверсию с крестом, если и вправду замышлял ее. Однако крест вскоре обнаружился: грани

на шаре башни были расположены таким образом, что образовывали светящийся крест, когда на них падали первые лучи восходящего солнца. Ну что ж, легенда не хуже тех, где строителя башни заказчик ослеплял или убивал, чтобы он не смог построить ничего лучшего... Виктор снова свернул на тихую, по-старинному изогнутую коленом Ратхаузерштрассе, опять прошел мимо отеля, миновал закрытый сейчас итальянский ресторанчик, в котором они ужинали с Региной накануне. Там, кстати сказать, неплохо кормили, официанты-итальянцы были веселы и приветливы, а сидели они с Региной под фреской, изображавшей Большой канал в Венеции, в общем-то совсем недурно написанной: это немцы свои дворцы украшали безвкусно и бездарно, а вот итальянцы и кабаки расписали талантливо. В этом квартале попадались старые и вовсе старинные дома; тут ему все казалось гораздо милее, даже здание полиции не вызвало отрицательных эмоций, потому как располагалось в стареньком сереньком особнячке с весело прыгающими между этажами лестничными окнами, что делало его больше похожим на старческий приют, чем на полицию. Но дальше уютная узкая улочка неожиданно вывела в мрачнейший район темно-серых четырехэтажных зданий в стиле «баухаус» начала тридцатых, явно не ремонтировавшихся со времен войны: на некоторых стенах видны были следы артиллерийского обстрела, чего не встретишь уже ни в одной другой столице Европы. «Наши стреляли... или союзнички, – подумал Виктор с весьма за-

поздалым злорадством. – А пусть не лезут!» Из труб, грибами стоявших на черепичных, со старческой зеленью, крышах, струился дымок: странно, в такое время дня никто не станет топить камин для романтики, неужто здесь еще топят углем? Однако большое объявление на двери подъезда, попавшееся ему на глаза, рассеяло сомнения – «УГОЛЬ. Самая низкая цена – всего 200 марок за тонну!» Да-а... А ведь уже несколько лет прошло после падения Берлинской стены и воссоединения обеих Германий! Если восточные немцы так запустили город, то почему же западные не помогут им восстановить эти районы теперь, когда Берлин вновь единый город и столица всей Германии. Впрочем, Регина, чей муж как раз и занимался скупкой дешевых домов, освободившихся после массового переселения восточных немцев на Запад, объяснила ему положение дел: «Сейчас надо покупать, покупать и покупать дома, пока они стоят смехотворно дешево, а не тратить деньги на ремонт! И пусть они пока стоят пустые. Артур говорит, что для того, чтобы дом не разрушался, достаточно иметь занятыми две квартиры на подъезд – на первом и на последнем этаже, и пока сдавать их за чисто символическую цену. Дом не сыреет, если в нем отапливаются нижний и верхний этажи». Умный еврей Регинин муж, что и говорить: имеет завод медицинских инструментов и не пренебрегает скупкой старых домов. Только он, Виктор, все равно умнее! Он улыбнулся своим мыслям и стал искать выход из мрачного района: он и сам не заметил, как заблудил-

ся, а прохожих на улице в этот час не было. Впереди показалось мрачное серое казенное здание, и он его узнал – бывшее управление «Штази», восточно-германского КГБ. Архитектурный монстр какой-то... Артур рассказывал, что когда восточные немцы, разломав Берлинскую стену, пошли громить «Штази», с ними ринулись на штурм переодетые в штатское сотрудники госбезопасности: они первыми ворвались в архив и начали выкидывать бумаги в окна, а на улице их коллеги уже развели костры и к восторгу уличной толпы пожгли все, что могло им повредить в будущем... А толпа ликовала и рукоплескала, не ведая, что пляшет вокруг костров, на которых сгорают разоблачительные документы! Виктор усмехнулся с каким-то даже чувством превосходства: в бывшем Советском Союзе КГБ оказался непотопляем, и если какие документы и требовалось уничтожить, то делалось это по-деловому тихо, за закрытыми дверями. Свои органы безопасности Виктор, как и следует творческому человеку, презирал и ненавидел. Да у него и свой счет был к КГБ: вот если бы его принудили к отъезду раньше, как других ленинградских художников, так он бы сейчас не бедствовал! Впрочем он ведь и сам был в этом виноват: остерегался, держался в стороне от лишнего шума, в скандальных выставках не участвовал – и его не трогали, даже ни разу не вызывали в органы. И вот вам результат – ни имени, ни денег! А другим художникам и осторожность не помогла, их все равно вызывали на беседы и склоняли к сотрудничеству, трепали нервы, но зато сейчас

они сделали себе на этом капитал, став все подряд диссидентами едва ли не круче тех, кто действовал всерьез и открыто, сидел за свои убеждения по лагерям. Этих на Западе баловали еще больше, это про них зло шутили завистники: «Удачно присел на дорожку!»

Виктор дошел до угла, повернул налево и оказался на довольно широкой Норманненштрассе, заставленной все теми же закопченными домами, но тут уже стали попадаться люди, и он спросил у прохожего, как ему выйти к метро «Франкфуртераллее». «Идите прямо по улице, на следующем перекрестке сверните налево и там вы увидите скверик: пройдете его насквозь, за ним будет еще один, совсем маленький скверик, а дальше третий, побольше, и так вот, сквериками, вы и выйдете прямо к метро! Или вернитесь к зданию «Штази» и пройдите вдоль него к метро Магдалененштрассе». Нет уж, хватит с него «Штази» и мрачных размышлений о прошлом! Виктор свернул, как ему было подсказано, и почти сразу увидел деревья, кусты и ступени уличной лестницы, ведущей в сквер, расположенный на каменной террасе примерно на метр выше тротуара. Он поднялся по ступеням и пошел по дорожке. Сквер оказался заброшенным и зарастающим кладбищем: могил было мало, между ними бегали собаки. Впрочем, собаки в Берлине бегают где ни попадя и гадят повсеместно: в каждый свой приезд к Регине он ухитрялся вляпаться в собачье дерьмо. Шагая по главной дорожке и поглядывая на уцелевшие надгробья, он

на ходу читал имена и даты. Последние из них относились к 80-м годам, но могилы уже были явно заброшены и забыты. Да, любовь к отеческим гробам не входит в число нынешних германских добродетелей, усмехнулся он. Или родственники погребенных уже успели перебраться в Западную Германию?

Уже входя в ворота кладбища, Виктор слышал какие-то глухие, бухающие звуки, а теперь они становились все громче и громче, и вот он увидел, наконец, что они означают: на краю дорожки стоял железный контейнер, с верхом наполненный осколками могильных плит и памятников, а в кустах он увидел двух рабочих, разбивавших кувалдами очередное надгробье. Виктор поежился и поспешил мимо. Он вспомнил, какое негодование поднялось среди ленинградцев, когда для строительства нового моста через Неву понадобилось снести часть некрополя возле Александро-Невской Лавры. И власти – советские власти, между прочим! – уступили горожанам и остановили вандализм. А тут рушат себе могилы среди бела дня, а никому из берлинцев и дела нет.

Кладбище кончилось. Он вышел из ворот, перешел дорогу, прошел насквозь маленький скверик и вышел к еще одному бывшему кладбищу, давно, еще при коммунистах, переделанному в общественный сад: от былого осталось несколько памятников на горках, один из них с большим чугунным крестом. Он прошел мимо детской площадки, на которой,

сбоку от гимнастических снарядов и качелей, была почему-то построена деревянная лагерная вышка – квадратная, с четырехскатной крышей и окнами обзора на четыре стороны. От смотровой площадки вышки спускалась катальная горка. Интересно, и во что же тут играют немецкие детки – в «побег из концлагеря»?

Справа, в глубине сада, стояло солидное красно-кирпичное здание ратуши с игрушечной зеленой башенкой наверху. Ратуша фасадом выходила на улицу, а в сад выпирала округлой задней стеной, таким кирпичным бастионом торжествующего официоза. Ужасающая безвкусица... Он уже видел впереди безликое бетонное здание торгового центра, когда заметил слева сохранившийся кусок кирпичной стены кладбища. Под стеной лежал одинокий венок с красной лентой и надписью «Павшим героям от коммунистов Берлина». И кто же они, эти герои? Он подошел и прочел на мраморной доске, что «здесь в марте 1919 года были расстреляны коммунары-спартаковцы». Сразу вспомнилась песенка пионерских лет:

Мы шли под грохот канонады
И смерти смотрели в лицо:
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев смелых бойцов!

И все-таки, как и обещал прохожий, кладбище вывело его к перекрестку со станцией метро. Он спустился по ступеням

под землю и с облегчением покинул район Лихтенберг. Если и придется ему снова приехать в Берлин, то в следующий раз он снимет гостиницу в другом районе, нечего Регине разводить экономию за счет его нервов и эстетического вкуса!

Регина уже ждала его в условленном месте на станции «Цоо – Зоологический сад». Они поцеловались, подошли к кассам и купили ему билет до Мюнхена. До отхода поезда оставалось больше часа, и они пошли куда-нибудь посидеть перед расставанием. Выбрали кафе на Курфюрстендамм, или просто Куда, как говорят берлинцы, самой шикарной улице Западного Берлина. Правда сели они за столик неудачно: из окна Виктору была видна обломанная верхушка Церкви Памяти, похожая на гнилой коричневый клык. Есть ему после завтрака в гостинице не хотелось, но ехать в поезде предстояло долго, а цены там ого-го, и он заказал яичницу и сосиски. Себе Регина взяла кофе и маленькое пирожное.

– Опять ты уезжаешь от меня, Вики, – сказала она задумчиво. – Жаль, что ты не хочешь вернуться в Берлин – это решило бы многие наши проблемы!

– Ты же знаешь, как я не люблю этот город.

– Но почему, почему, Вики? Чем город-то виноват?

– Да тем, что Берлин – это вообще не город. В нем есть куски и фрагменты разных городов, но нет единого стиля. Салат из архитектурных стилей, а не столица.

– Ах, но Берлин такой бесшабашный и смешной!

– Обхохочешься. Я что, должен со смеху покатываться,

глядя, например, вот на этот огрызок собора? – Виктор ткнул вилкой с кусочком сосиски в окно.

Регина засмеялась:

– А туристы им любуются! Неужели тебе нравится Мюнхен?

– Очень нравится. В нем есть стиль.

– Да что ты, он же гораздо меньше Берлина, Вики! Мюнхен всего лишь столица маленькой Баварии. Не понимаю я тебя...

– Не понимаешь, – согласился Виктор. – Мюнхен – маленький имперский город. Со временем я научу тебя разбираться в архитектурных стилях. Жить мы будем не в Берлине и даже не в Мюнхене, а где-нибудь гораздо южнее, так что ты постарайся к этой мысли привыкнуть заранее. Я так люблю солнце!

– Я тоже очень люблю солнце, Вики, ты же знаешь!

– Вот и хорошо, что хотя бы в этом мы думаем одинаково, и наше будущее обещает быть солнечным. А пока тебе надо разобраться с нашими сегодняшними проблемами. Ты так и не пришла к определенному решению?

– Нет, пока не пришла. Прости меня, Вики... Но в любом случае я хочу сказать тебе, милый, что я благодарна тебе за твою любовь, и ты, пожалуйста, запомни мои слова.

Виктор засмеялся:

– Хорошо, я эти твои слова запомню!

Глава 1. Венок от Регины

Она спокойно глядела на него сверху вниз, опустив нежные веки, и он как всегда не мог угадать выражения ее удлинённых глаз орехового цвета. Впрочем, он особенно и не пытался, а просто лежал, упиваясь утренним покоем после одиноко проведенной ночи. Как хорошо, как безмятежно! Он для того и повесил над кроватью «Мадонну с деревцами» Беллини, чтобы, просыпаясь, наслаждаться божественным покоем ее лица. Но как же все-таки уютно спать и просыпаться одному на своей узкой кровати, пусть даже в этой дешевенькой мебелирашке! Похоже, он стал уставать от женщин... Виктор блаженно потянулся и, не отводя глаз от «Мадонны», нащупал на столике сигареты и зажигалку: сегодня можно и в постели покурить, не надо считаться с астмой Регины. Интересно, как это Артур с его миллионами так и не сумел вылечить жену? Астма, однако, достанется ему в приданое, что отнюдь не радует... Он приподнялся на локте и взглянул на часы. Ого, уже около двенадцати! Недурно же он поспал с дороги... Но спешить ему было некуда, сегодня воскресенье, и он, держа руку с сигаретой возле пепельницы, снова закрыл глаза.

Интересно, о чем сейчас думает Регина, в этот первый день после его отъезда из Берлина? Ну конечно, о нем, о чем ей еще думать? Что же она сказала вчера на платформе вок-

зала «Цоо» перед самым отходом поезда? Что-то такое, что ему не понравилось. «Благодарю тебя за любовь...» – нет, не это, вот это как раз правильные слова. А, вспомнил! «Не торопи меня, любимый. Мне надо подумать!» Ей надо подумать, усмехнулся Виктор. Он-то уже давным-давно все обдумал, и все развивается по его плану, и в будущем тоже все будет именно так, как он решит. Да и нечем ей думать, глупышке, ведь в ее хорошенькой головке проплывает в день не больше двух-трех мыслей, словно маленькие рыбки в стоячей аквариумной водичке.

Он представил себе небольшой круглый аквариум, с веточкой элодеи, с песочком и одинокой раковинкой на дне; в зеленоватой водичке плавало несколько сереньких рыбок гуппи. Хотя нет, он несправедлив к Регине, ведь она так современна и постоянно листает гламурные журналы! Он убрал скучных гуппи и пустил в аквариум несколько резвых неоновых рыбок. Потом вспомнил, что ведь сейчас Регина думает о нем, и добавил к ним задумчивого вуалехвоста. Подумал еще и поставил на дно маленький керамический замок, увитый плющом, символ ее мечтаний о будущей жизни с ним вдвоем. Так, теперь хорошо... И он стал мысленно пририсовывать к аквариуму профиль Регины, а вместо глаза нарисовал большую черную скалярию. Гривка зеленых волос – продолжение водорослей. Что еще? Подумав, он поставил аквариум на окно, а за окном коричневыми штрихами набросал зловещий клык Церкви Памяти. Мелькнуло иску-

шение подняться, взять карандаш и перенести задуманную картинку на бумагу... Но нет, кому нужны сейчас его эскизы? И вообще он давно уже не рисует, к сожалению, и тем более не пишет маслом. Он и не вернется больше к живописи, хватит с него разочарований. Он уже избрал для себя другое... И воображение снова заработало.

Раннее утро в их загородном доме где-нибудь неподалеку от Венеции, ну, скажем, на Бренте. Они ездили туда с Жанной, осматривали старинные виллы... Все обитатели дома завтракают за длинным дубовым столом на веранде. Теплый ветерок шевелит неправдоподобно длинные кисти глицинии. Он сидит во главе стола и просматривает утреннюю газету. Остальные, чтобы не мешать хозяину, тихонько переговариваются между собой. Регина в нарядном голубом переднике, с длинными волосами, перехваченными голубой лентой, подходит к столу, неся в руках поднос с благоухающей свежеиспеченной пиццей... Впрочем, нет, не так. Он усадил Регину рядом с собой, сняв с нее передник и уложив ее волосы в тяжелый узел, а поднос с пиццей оказался в руках прехорошенькой итальянской девчушки с большими озорными глазами и пышной грудью. Ну да, Регина родила троих детей, а все-таки жене миллионера не мешало бы последить за грудью, можно бы и поднакачать немного, а то ей без лифчика и на улицу не выйти. Впрочем, если говорить о пластической операции, то в первую очередь изменить надо нос, этот типично еврейский нос с мягкой шишечкой на

конце...

Виктор отложил итальянскую газету (Придется, кстати, выучить итальянский. Может, начать учить прямо сейчас? Да нет, куда спешить, успеется...), и все сидевшие за столом гости прервали негромкий разговор и устремили на него внимательные взоры.

– Какие у кого планы на сегодняшний день, дорогие мои синьоры? – спрашивает он с покровительственной улыбкой. – Я сегодня собираюсь по делам в Венецию, так что моя машина к вашим услугам!

– Донателла хотела поехать купить какие-то чистящие средства. Может, ты забросишь ее в супермаркет? Это тебе по дороге, а обратно она приедет на такси, – говорит Регина, его послушная жена-умница. – Но если тебе не хочется, я сама могу ее свозить.

– Да нет, отчего же? – пожимает плечами Виктор. И думает при этом, что хорошо, если другие гости сегодня откажутся от поездки в Венецию, тогда они с Донателлой после супермаркета могут часок-другой неплохо провести время в каком-нибудь придорожном отельчике. Донателла уже полгода исполняет в доме обязанности горничной, но не только, не только... Однако, кажется, Регина начинает что-то подозревать: придется изобрести серию придинок к бедной девочке и уволить ее с хорошим отступным и наилучшими рекомендациями. А на смену ей нанять блондинку – темноволосые итальяночки ему уже поднадоели: в Венеции полно

златокудых красавиц, да и русоголовые девушки из Милана очень и очень недурны...

– Ну а как продвигается портрет Регины? – спрашивает он белокурого красавца Александра Исачева... Хотя нет, кто-то недавно говорил ему, что художник Исачев погиб от передозировки наркотиков у себя в Белоруссии, так что Исачев тут не годится. А какая прекрасная, однако, смерть: улететь в наркотические фантазии и не вернуться в этот суровый и пошлый мир! Ну ладно, пусть это будет ученик Александра Исачева, пока никому не известный, но уже открытый им, Виктором Гурновым, поскольку ему уже виделся портрет Регины, выполненный именно в манере Исачева.

– Портрет почти готов! – весело отвечает молодой художник, полный доверия и признательности к своему богатому собрату, художнику и меценату.

– Можно взглянуть?

– Конечно, маэстро! – художник вскакивает с места, он уже готов бежать наверх.

– Регина, хочешь посмотреть на свой портрет? – спрашивает Виктор.

– Я его видела, дорогой – я же позировала Степану!

Фу, какое несуразное имя! Виктор поморщился.

– Ох, простите, Стефан! Я всегда сбиваюсь почему-то на Степана, – извиняется Регина.

– Ничего, я привык, – кротко отвечает Стефан, длинный, тощий и белобрысый, похожий на молодого послушника.

Втроем они поднимаются на второй этаж, где вдоль длинного коридора, освещаемого с торцов двумя большими, от пола до потолка, окнами, размещены по одной стороне студии художников, а по другой – их личные комнаты: у каждого художника отдельная студия и спальня. Они заходят в залитую солнцем студию Стефана – ее освещает высокое окно, занимающее всю переднюю стену; снаружи этот край крыши специально приподнят; архитектор строил «Приют русских художников» по его, Виктора, рисункам.

Портрет изображает головку-аквариум на золотисто-сером фоне площади святого Марка с голубями. Лицо Регины зеленовато-бледное, как у русалки или утопленницы, а в ее зеленых волосах-водорослях прячутся маленькие разноцветные змейки – легкое напоминание о Гофмане. В лице у нее что-то колдовское, коварное, что вовсе Регине-дурочке несвойственно, но тем не менее портрет Виктору нравится. Особенно приятно ему, что на дне аквариума, на небольшом холмике песка стоит крошечная копия их виллы. Да, художники почитают его как отца родного – еще бы, ведь он столько для них делает!

– Это конгениально, Стефан. Это лучшая твоя работа.

– Я тоже так думаю, – скромно отвечает художник.

– А мне портрет не очень нравится, Вики, – вдруг возражает Регина. Оба удивленно на нее смотрят. Да, кстати, надо будет отучить ее от этого дурацкого «Вики», он ей не псик. – Стефан начал писать портрет до того, как мне сдела-

ли пластическую операцию. Мне совсем не хочется видеть, какой уродливый у меня раньше был нос! – Регина подходит к мольберту, чуть пригибает колени, чтобы ее голова оказалась на одном уровне с портретом, и демонстрирует свой новый профиль – с точеным, слегка вздернутым носиком. Стефан тут же послушно берет кисть – и профиль Регины на портрете тоже приобретает интернациональную безупречность.

Нет, он, Виктор, вовсе не русский шовинист и уж тем более не антисемит, о чем говорит его серьезнейший роман с Региной, но ему всегда казалось чем-то почти неприличным носить на лице явные признаки своей нации. Его собственное лицо, к примеру, может быть лицом американца, шведа, немца – он просто красивый блондин-европеец, друг мужчин и покоритель женщин. Впрочем, про мужчин это он сохранил, с мужчинами он ладит как раз никогда не умел, его народ – женщины... Мужчины наверняка завидовали его успехам по части слабого пола, но, что уж тут скрывать, отчасти за это же его и презирали – ведь других-то успехов у него пока не было... Но с деньгами он завоюет себе уважение и мужчин тоже!

Вернисаж в Венеции. Виктор стоит в группе опекаемых им русских художников и дает интервью сразу нескольким журналистам. Сверкают блицы, работает телевиденье. Вокруг мужчины в черном, женщины сияют нарядами, бриллиантами и косметикой.

– Сеньор Гурнов, почему вы задумали организовать свой Приют русских художников именно в Италии?

– Потому что Италия – родина художников! – Журналисты и гости рукоплещут.

– А когда вам пришла в голову эта идея?

– О, это было задумано мною давно, еще когда я был нищим эмигрантом, не имел денег на краски, кисти и полотна, да у меня и на обед не каждый день были деньги...

А кстати, что там у него с деньгами на самом деле? Отстранив мечты и фантазии, он открыл глаза, приподнялся на локте, протянул руку к стулу, на котором висела одежда, и вынул из кармана замшевой куртки (подарок Регины) элегантный кожаный бумажник (еще один ее подарок), достал деньги и пересчитал: семьдесят марок – и все? Грустно. И когда это он успел все просадить? Напрасно он вчера ужинал в вагоне-ресторане и уж тем более зря добирался от вокзала до дома на такси: не для того он терпел игру Регины со сдачей, чтобы потом остаться с такими грошами. А игра была не ахти какая хитрая: каждый раз, расплачиваясь в кафе или ресторане, Регина отдавала Виктору крупную бумажку и тут же вставляла и уходила в туалет – подкраситься... Он расплачивался, официант приносил сдачу, Виктор оставлял ему небольшие чаевые, а остальное клал в бумажник. После чего надо было продолжать правила игры:

– Ты опять чуть не оставила сдачу в ресторане! Такие чаевые не оставляют...

– А ты не догадался взять деньги?

– Конечно, догадался!

– Ну и пусть будут у тебя под рукой: вдруг понадобится мелочь расплатиться?

«Мелочь» составляла иногда почти сотню марок, но ведь на эти деньги приходилось покупать Регине цветы и какие-нибудь глупые сувениры, до которых она была большая охотница. Зачем, спрашивается, жене миллионера какой-нибудь глупейший брелок с малиновым стеклянным медведиком, напомнившим Виктору леденцовых петушков его бедного детства, или пирамидка с плавающими внутри разноцветными шариками? Однако она так и тянулась к ним: «Ты посмотри, Вики, какая прелесть! Прямо съесть хочется!»

А вот ему она любила делать хорошие дорогие подарки, но он принимал их очень редко, только если к тому был серьезный повод. Например, вот эту замечательную куртку он получил от нее в свой день рождения. Она и в этот его приезд хотела выписать ему чек, предложила купить ему костюм из светлой замши прямо с витрины, но он решительно воспротивился: «Я не жиголо, дорогая моя, и не желаю, чтобы ты делала мне подарки на деньги твоего мужа!» Для него это был повод в который раз начать разговор о ее разводе с Артуром: «Я не хочу, детка, чтобы ты осталась нищей по моей вине. Ты ведь должна понимать, что после развода я не позволю тебе взять у бывшего мужа ни пфеннига!». «Идиотское благородство!» – фыркала Регина. А он просто хотел, чтобы

Регина получила все до последнего пфеннига еще до развода: Артур был достаточно богат и щедр по отношению к супруге, он мог и заранее выделить Регине часть состояния в ее полное владение. Такие вещи случались в кругах богатых людей, на эту мысль Виктор потихоньку Регину и наводил. «Почему бы твоему мужу не ввести тебя в совет директоров фирмы? Ты могла бы иметь собственное состояние и даже приумножить его. Многие жены добиваются этого от своих мужей, а ты не глупее их!». Виктор знал, что потом, когда развод все-таки состоится, а именно к тому все и шло, будет очень непросто добиться от бывшего мужа приличного содержания, поскольку дети останутся ему в утешение. Виктор умел ладить с детьми красивых женщин, но только в первый короткий период ухаживания – ровно столько, сколько бывает нужно, чтобы завести дружбу с малюткой, а потом перенести все внимание на молодую мамочку; а после этого дети его только раздражали. Так что с детьми Регины все давно решено – они остаются с отцом. Похоже, что и сама Регина дозрела до этой мысли: «Конечно, с таким отцом, как Артур, детям будет лучше, чем со мной. И к тому же у них есть бабушка. Но ты-то хоть ценишь, что женщина готова ради тебя оставить мужа и троих детей?» Он ценил. Но расценивал это как свою победу, а Регину даже несколько презирал за эту ее готовность разрушить семью ради любовника и осуждал бы ее еще больше, если бы она делала это ради кого-то другого. И он уже предчувствовал, что долго его брак с ней

не продлится, что в конце концов он найдет женщину, способную стать для него надежной опорой, какой была его первая жена Катерина. Или вторая жена Милочка. Но только, конечно, гораздо моложе всех троих... Нет, четверых – ведь есть еще жена Жанна, его единственное теперешнее препятствие к браку с Региной, не считая Артура. Впрочем, о Жанне думать сегодня решительно не хотелось. На этом этапе жизни его цель – Регина и все, что с нею связано: деньги Артура, покупка виллы в Италии, основание Приюта художников, организация выставок, его грандиозный успех мецената – «О, Виктор Гурнов – это новый русский Дягилев!» – и деньги. Много денег. Художники будут писать свои картины у него на вилле, а затем он откроет галерею и станет их продавать. 60 % от продажи он будет оставлять себе. Это совсем не много, учитывая организацию выезда художников в Италию – вызовы, визы, билеты и все прочее, их содержание и обеспечение холстами, кистями и красками, а также налоги и другие накладные расходы. И в конце концов при разводе с Региной он даже постарается вернуть ей капитал Артура, или хотя бы часть его. И потом он какое-то время будет жить один. Хватит уже разбитых женских сердец. Он всегда жалел покинутых женщин, он сострадал им всем сердцем, и как грустно, что у него никогда не было возможности позаботиться о них после разрыва. Правда потом, когда ему случилось встретиться с покинутыми возлюбленными, он непременно старался выяснить, осталась ли еще в их сердцах бы-

лая любовь, готовы ли они ему простить обиды и вернуться к нему, если он позовет? Дурацкая привычка, и сколько раз из-за нее он оказывался в ложном положении, сам того не желая. Чувства женщин ведь так живучи! Но кто может обвинить его, это же так естественно – проверить, не сохранилась ли прежняя любовь? Нет, с Региной он разорвет сразу и навсегда, а до того постарается разделаться с долгами...

От этих мыслей ему почему-то стало неудобно, это уже не были сладкие грезы о будущем великолепии. Но – сам виноват! Ни к чему было забираться в столь неприятные дебри будущего сейчас, накануне его главной победы. Надо это отбросить и забыть на время, да и природа приказывает встать – и он сейчас же встанет! Он резко затушил докуренную до фильтра сигарету, сбросил одеяло, одним движением поднялся с постели и пошел в свой крошечный туалет, совмещенный с душевой кабинкой. Ему пришлось четырежды сменить горячую воду на холодную, прежде чем он почувствовал себя окончательно проснувшимся. Он крепко растерся сначала щеткой, затем махровым полотенцем, и наконец все его тело разгорелось от бодро побежавшей по сосудам крови.

Выйдя в комнату и не одеваясь, он придирчиво оглядел себя в большом зеркале стенного шкафа и остался почти доволен: только белки глаз сохраняли желтоватый цвет вследствие выпитого за прошлую неделю вина, выкуренных лишних сигарет и наполовину бессонных ночей. И хотя для того,

чтобы покурить, ему каждый раз приходилось выходить на балкон из-за Рeginиной астмы, он все равно делал это непозволительно часто. В этот его приезд Регина была особенно истерична и непонятлива, и он ходил курить, чтобы сделать паузу в бесконечных разборках. Ох уж эти выяснения отношений! Не надо, не надо ей смотреть сериалы по телевизору! Но уже и то хорошо, что он не простудился, выходя на балкон так часто.

Виктор приготовил себе растворимый кофе, выпил подряд две чашки и выкурил с ними две законные утренние сигареты. Черт, вообще-то надо бы сократить курение! Но ведь не прямо же сейчас... Включился приемник в будильнике, хотя он его и не настраивал с вечера, и запел голосом Леонтьева допотопный шлягер про вернисаж в Венеции.

Ах, вернисаж, ах, вернисаж!
Какой портрет, какой пейзаж!
Вот зимний вечер, летний зной,
А вот Венеция весной!

Он подсвистал певцу, и перед его внутренним зрением еще раз пронеслись утренние картинки... Он нажал на кнопку будильника, заставив Леонтьева замолчать, встал, огляделся, достал из шкафа куртку, шарф и снова взглянул на себя в зеркало; придирчиво осмотрев свое лицо, он пожевал губами, чтобы вернуть им яркий цвет и выразительность, затем продуманным небрежным движением накиннул на шею

очень длинный шарф темно-вишневого цвета, связанный когда-то Милочкой, его бывшей второй женой, надел теплую джинсовую куртку на меху, но не стал ее застегивать, перекинул через плечо ремень спортивной сумки и вышел из своей квартирki в общий коридор.

Запирая дверь на ключ, он почувствовал, что его левая нога зацепилась за что-то вроде проволоки. «Ругают меня за беспорядок в комнате, а сами развели бардак в коридоре!» – подумал он про уборщиц мебелирашек. Он наклонился и постарался разглядеть в темноте, за что там зацепилась его нога. Рядом с его дверью стояло нечто похожее на большую автомобильную шину. «Что за чертовщина!» – подумал Виктор, наклонился, очень осторожно отцепил от штанины проволоку и только после этого перешел коридор, нашарил на стене выключатель и нажал на кнопку. Помигав, по всему коридору, через одну из экономии, неохотно зажглись неоновые лампы, и в их мертвенном голубом свете он увидел возле своей двери большой траурный венок из еловых веток и темно-красных роз. У него неприятно сжалось сердце. Соседям принесли заказ, наверное... Венок был перевит черной лентой, и в сумеречном свете он увидел на концах ленты, аккуратно сложенной в нижних еловых ветках, русскую букву «Б». Он удивился: неужели у него есть русские соседи? Наклонился, кончиками пальцев вытянул концы ленты и увидел надпись золотыми буквами: БЛАГОДАРЮ – на одном конце и ЗА ЛЮБОВЬ – на другом. Так! Все ясно! Он

скомкал концы ленты и засунул их между еловых веток, ко-
ля пальцы и чертыхаясь. И когда же она успела? Или она по-
слала ему этот венок еще до его приезда в Берлин, а вчера,
возвращаясь ночью, он его просто не заметил? Ну да, навер-
ное так и есть. Он выпрямился, подхватил венок под верх-
нюю дугу, как колесо, и понес его к выходу на лестницу. На
ковровом покрытии коридора осталась горсть осыпавшихся
иголок. Да, судя по всему, венок стоял тут уже не меньше
недели. Ай да Регина!..

На лестничной площадке он остановился, решая куда от-
нести эту мерзость: тащиться к помойке с венком наперевес
ему определенно не хотелось. Поразмыслив, он решил про-
сто оставить венок на лестничной площадке – пускай уби-
рают уборщицы, это их работа! Прислонив венок к стене,
он спустился на лифте, вышел из подъезда дома и напра-
вился по Леопольдштрассе к станции метро. По дороге он
стал вспоминать, что у него было намечено сделать после
возвращения в Мюнхен: оплатить несколько счетов, позво-
нить Жанне и поговорить с ней о разводе. Но почти сразу
же решил, что ничего из этого делать сегодня он не станет
– настроения нет, а просто сядет за столик в какой-нибудь
уютной пивной и там за пивом с сосисками поразмышляет
о своих отношениях с Региной вообще и о ее нелепой затее
с этим венком в частности. И придумает, как он должен от-
реагировать на ее выходку.

Он не спешил, поэтому спустился в метро и доехал с пе-

ресадкой до Восточного вокзала, чтобы посидеть в своей любимой вокзальной пивной. Он зашел в нее и занял столик у окна, выходявшего прямо в помещение вокзала: здесь можно было сидеть одному в тишине и в то же время наблюдать через стекло за беззвучной вокзальной суетой. Получив заказанные сосиски и пиво, он сначала с аппетитом поел, потом заказал вторую кружку темного пива, закурил и вот только теперь стал анализировать свои отношения с Региной, чтобы понять – что же подтолкнуло ее на этот символический жест с похоронным венком? Одновременно он посылал серьезные заинтересованные взгляды симпатичной блондинке, скучавшей над бокалом «шорли», смесью лимонада и пива, за соседним столиком. Он флиртовал машинально, почти неосознанно, просто так, для поддержания формы, а сам подробно и в деталях вспоминал их «историю любви» с Региной...

Лежать обнаженными под ласковым летним солнцем на песке, под негромкую пляжную музыку из репродуктора, слышать радостные крики детворы с мелководья Хафеля, лежать совсем рядом, почти касаясь друг друга и не смея коснуться на глазах у детей, и говорить, говорить, говорить... Это было восхитительно волнующе! Потом они вставали, брались за руки и бежали к воде, оба такие молодые, красивые, спортивные... И песчаный берег обыкновенной, пусть и широкой реки казался им роскошным океанским побережьем. Как в кино...

– Моя жена получила самое современное женское образование и воспитание, а именно – телевизионное! – шутил Артур, когда Регина пыталась при нем высказать какое-нибудь глупенькое женское суждение. Она, конечно, обижалась, хотя муж глядел на нее с глубокой нежностью.

А вот Виктора ограниченность и тривиальность суждений Регины не раздражала и не умиляла, он принимал ее такой как есть. Ему было совершенно безразлично, что и как она говорит, зато он всегда точно знал, как надо ответить, чтобы произвести нужное впечатление. Душа Регины была для него то же, что скрипка для скрипача: он играл на ней свою музыку. Он знал, как устроена эта женщина, как на ней играть и когда какую выбрать мелодию. Именно такого рода женщины, которые будто бы жили в ожидании встречи с ним, нравились Виктору. Находил он их безошибочно, определял с одного взгляда, мог разглядеть в любой толпе, на вокзале, на пляже, просто на улице и в автобусе, и, увидев, узнав, он тут же шел на сближение с ними. Это вовсе не означало, что они были доступными с виду или принадлежали к какому-то определенному типу, вовсе нет! Среди его возлюбленных были домохозяйки и актрисы, интеллектуалки и простушки. Но общей в них была неумемная жажда любви, самозабвенная любовь к любви, своего рода наркомания, то есть та самая женская страсть, которую редко кто из мужчин мог удовлетворить вполне, а вот он, Виктор, как раз это и умел.

Регина была вполне благополучна, имела в жизни все и

отчаянно скучала, томясь в мечтах о «настоящей любви». Он понял это сразу, как только Артур пригласил его в свой дом. И это был действительно Дом с большой буквы! Небольшой особняк в Грюневальде, фешенебельном зеленом пригороде Берлина. Идеальный порядок, шикарная обстановка, аромат устоявшегося богатства и благополучия в доме были созданы не Региной, а матерью Артура Рахилью Моисеевной. Эта образцовая еврейская мама и бабушка вела дом умело и без видимого напряжения, как опытный моряк, долго ходивший по океанам, ведет легонькую прогулочную яхту по спокойному заливу. Сын ее обожал и уважал, внуки были здоровы, послушны бабушке и счастливы, а Регине в доме было совершенно нечем заняться и она ни за что не отвечала. Рахиль Моисеевна даже спала в комнате рядом с детской, и когда кто-нибудь из внуков заболел, ночами к нему вставала бабушка, а не мать. Виктор, умевший в пятилетней девочке прозреть будущую красавицу и кокетку, а в семидесятилетней старухе углядеть останки бывшего женского очарования и обеим при случае сказать комплимент, доставляющий им удовольствие, понравиться и подружиться с ними, перед такими старухами-домоводительницами робел и тушевался: как правило, они были опытные, проницательные и отвратительно прямодушные, а если под крылом у них была молодая женщина или девушка, то на Виктора они глядели, как клуша на ястреба. Они-то знали, чего от него ждать! Как-то, зайдя за Региной и детьми, чтобы везти их на хафельский

пляж, и ожидая в гостиной, пока они соберутся, он нечаянно подслушал, как где-то рядом, в соседней комнате или в коридоре, глуховатая Рахиль Моисеевна громко спросила сына: «Зачем ты приваживаешь в дом этого голодного петуха?». Артур засмеялся и ответил что-то равнодушно добродушное, но слов Виктор не разобрал, однако после этого постарался быть особенно вежливым и предупредительным в отношении вредной старухи – на что та совершенно не обращала внимания. А вот Артур будто сам благословлял их сближение, одобряя их совместные поездки на пляж и за город: вечно занятый по делам своей фирмы, он не препятствовал тому, что его безработный приятель, у которого была масса свободного времени, развлекал его жену и уделял время его детям.

Роман Регины и Виктора как начался, так и развивался в основном на пляже. Почти обнаженные мужчина и женщина, проводящие долгие часы в пленительном безделье у воды, приглядывая за ребятишками, должны же были чем-то развлекать друг друга. Самым волнующим моментом их пляжного флирта было взаимное натирание друг друга ореховым маслом. Натерев сначала маслом спинки и попки детей и отправив их купаться в бассейн-«лягушатник», они приступали к ритуалу взаимного натирания. Регина под его руками попискивала и мурлыкала сладострастно, как кошка. Он же, подставляя ей спину и наслаждаясь лаской ее слегка дрожащих пальцев, скользивших по его коже, напрягал мускулы,

чтобы Регина в этой игре полнее ощущала силу и упругость его тела и догадывалась, каких усилий ему будто бы стоит сдерживаться, чтобы не обернуться и не схватить ее в объятья. Ну да, еще чего не хватало – на пляже, при публике! Где, мало того, еще и знакомые иногда попадались... И он прерывал это волнующее занятие, резко вскакивал со словами: «Все, хватит! Пора охладиться!» – и с этим двусмысленным возгласом бежал к воде.

Когда он увидел, что достаточно разогрел Регину, он решительно пошел дальше. Как-то она задремала, лежа после купанья рядом с ним на песке – на расстоянии вытянутой руки. Дети плескались в «лягушатнике». Виктор передвинулся поближе к Регине и лег к ней боком, а спиной к «лягушатнику», чтобы заслонить ее от детей.

– Тебе жестко лежать головой на песке, – проговорил он хрипловатым шепотом. – Приподними голову!

Регина послушалась, не открывая глаз приподняла голову, и он подсунул руку под ее щеку. Регина, судорожно вздохнув, так и припала щекой к его ладони. Наступила напряженная и сладостная тишина. Когда рука у него затекла, он, чтобы разогнать кровь, начал легонько шевелить кончиками пальцев возле ее виска. Она простонала негромко, а потом вдруг села и заявила, что у нее разболелась голова и надо срочно ехать домой.

Слегка разочарованный Виктор решил подъехать с другой стороны. После этого случая, наружно не имевшего никаких

ожидаемых последствий, Виктор переменял тактику. Он перестал соблазнять Регину чисто сексуально, а начал психическую атаку. Он принялся осторожно заводить разговоры о том, что Артур, к сожалению, слишком занят в фирме и не имеет возможности оценить тонкость и душевное богатство своей жены. Странно устроены мужчины и женщины! Среди мужчин едва ли найдется хоть один, которого женщина не купила бы, безудержно восхищаясь не его умом, успехами, талантом, а тем кусочком плоти, к которой, по выражению циничной Жанны, этот мужчина приставлен от рождения. Так же и женщины: и распоследняя шлюшка, и плохо воспитанная дурочка млеют и тают, когда мужчины начинают им петь, что ценят в них прежде всего их душу. Стоило Виктору приступить к делу, как Регина приняла приглашение и начала нескончаемую исповедь о трудностях своего замужества. Вскоре выяснилось, что не только Артур, но и свекровь и даже дети (младшей девочке было два года, а мальчишкам четыре и шесть) – все они не понимают Регину! Рахиль Моисеевна говорит с детьми один день по-немецки, а другой на иврите. Кому, спрашивается, нужен в Германии этот иврит? Она таскает их в синагогу и учит разным религиозным глупостям. Кому нужен этот Бог и кого Он сделал счастливым? Счастье – это когда тебя понимают! Ну еще, конечно, нужны любовь и деньги. Деньги у нее, Регины, есть, то есть, они есть у Артура, а значит и она без них не останется. А вот где взять любовь и понимание?! Вопрос был чисто риторический: по

тому, с каким вожделением Виктор и Регина поглядывали друг на друга, было совершенно ясно, что за пониманием и любовью уже тоже далеко идти не надо... Конечно, она благодарна мужу за то, что ей не пришлось работать ни одного дня в жизни, что в сумочке у нее всегда есть банковская карточка, а на счету – деньги, и она может бесконтрольно тратить их по своему усмотрению. Спасибо, как говорится, большое! Но разве ей не приходится за все это платить дорогой ценой – своей душой, своими чувствами? Артур, само собой, любит ее, он преданный и верный муж, но...

– Душой он старик, понимаете, Виктор, ста-а-а-рик! По-настоящему его трудно не только любить, с ним даже говорить о любви невозможно! – говорила она, манерно растягивая слова: совершенно невыносимая для петербуржца манера провинциальных южанок. Но тут уж деньги Артура ничем не могли помочь, как и десять лет эмиграции, она все равно оставалась провинциалкой до глубины своих маленьких мозгов. Впрочем, пожалуй, именно это ее так молодило. Ничего, в будущем он ее отшлифует...

И Виктор говорил с Региной о любви и важности взаимопонимания. Эти темы он мог разворачивать и варьировать до бесконечности, это был его конек: он без смущения говорил о женщинах в своей жизни, рассказывал свои романы, одновременно исподволь внушая Регине две главные мысли: первая – женщины в нем души не чаяли и были с ним счастливы, вторая – ни одну из них он так и не смог полюбить по-

настоящему. Говоря так, он исходил из опыта: по странной женской логике, услышав это (а он всем говорил примерно одно и то же, у него были своя накатанная программа), женщины, вместо того, чтобы бежать от него без оглядки со всей возможной скоростью и лучше всего на подходящем транспорте, с той же скоростью летели к нему в объятья. Мотыльки летят на огонь, банально и глупо, но как еще скажешь? Ох, знал, хорошо знал Виктор женскую натуру! Недаром он рос рядом с матерью-вдовой при молодой еще бабушке и двух тетках: все его детские и юношеские годы прошли в плотном женском окружении. Его даже в пионерский лагерь никогда не отправляли, боясь, что мальчик попадет в плохую компанию, а снимали из года в год дачу в Сестрорецке. Чего-чего он только не наслушался, лежа на диванчике в своем уголке за шкафом в их комнатке в ленинградской коммунальной квартире, тоже почему-то заселенной в основном одинокими женщинами, или притаившись в затененном уголке дачной веранды. Он и сам не заметил, как научился понимать женщин и нравиться им. «Какой удивительный, интеллигентный и тонкий мальчик ваш сын!» – восхищались подруги матери и соседки. Уже лет в семь он научился говорить женщинам комплименты с видом открытым и невинным: «Ой, тетя Валя, какая вы сегодня красивая! Это у вас новое колечко?» «Это настоящая чернобурка, тетя Ниночка? Можно я ее поглажу?» – и мог полчаса подряд трогать колечки на пухлых маникюренных пальчиках и гладить плечи, укутанные ли-

сьим мехом. А дамы млели, сами не понимая отчего. Ах, какой милый и непосредственный мальчик! Так вот он и рос в окружении женщин и уже к двадцати годам стал настоящим знатоком и сердцеедом. А уж теперь-то... За первыми двумя откровениями по плану всегда шло третье, главное признание:

– Понимаете, Регина (Маша, Ира, Вика), женщины дали мне все, что они могут дать мужчине, но я еще не встретил той единственной, которой бы я сам хотел отдать все!

«Я сам» при этом выделялось особо, а затем наступала выразительная пауза, в тишине которой у собеседницы неизбежно возникала мысль, а не она ли и есть та самая единственная?..

Перед тем как окончательно сблизиться и обмануть друга и мужа, Регина и Виктор, действуя опять-таки по его программе, признались друг другу не только в любви, но и в том, что оба они глубоко уважают Артура и ни в коем случае не хотят причинять ему зла... Но они же не виноваты, что полюбили друг друга! Из чего логически вытекало, что теперь они вынуждены будут лгать Артуру, оберегая его душевное спокойствие. «Мы не станем причинять ему лишнюю боль!». На этой фразе, давным-давно сочиненной Виктором для подобных случаев, обычно все моральные сомнения соблазненных им женщин заканчивались. В случае с Региной подразумевалось также, что она не должна до времени уходить от богатого мужа к нищему Виктору. Их отношения

тянулись почти год. Такое положение устраивало Виктора, ведь он и сам не был разведен с Жанной. Они жили с женой врозь, и считалось, что это вынужденно и временно: Жанна какое-то время работала внештатным сотрудником на радио Свобода, а получив приглашение на постоянную работу, переехала в Мюнхен. Потом и он перебрался в Мюнхен, но это было уже позже.

А тогда они устроились неплохо: Регина будто бы загорелась поменять обстановку нескольких комнат в доме. Артур и тут не был против. «Делай что хочешь, – сказал он жене, – меня только избавь от этих твоих перестроек и перестановок, у меня работы пропасть. Вон Виктор свободен, попроси его помочь!». Со слепого одобрения мужа и под косыми взглядами свекрови двойная жизнь пошла уже всерьез. Раза два в неделю Регина с Виктором с утра отправлялись якобы по магазинам; они и в самом деле что-то покупали и заказывали, загружали в багажник Регининой машины банки с краской, рулоны обоев, отрезы декоративной ткани, а затем отправлялись к нему на квартиру.

Регина в сексе была поначалу жадной и любопытной, но еще более неутомимой она была в разговорах о любви. Виктору даже казалось, что она спешит насытиться физической близостью, чтобы поскорей перейти к разговорам. Если Виктор казался ей спокойным и довольным, она искала повод драматизировать их отношения и быстренько находила его. «Ты даже не ревнуешь меня к Артуру!» – и приходилось ее

ревновать. «Неужели ты ничуть не страдаешь из-за того, что мы обманываем моего мужа и твоего друга?» – и Виктор послушно принимался страдать. Словом, Регина жила полной жизнью – как она ее понимала. Она похудела, но очень похорошела, темные глаза ее постоянно блестели, пухлые губы стали яркими и без помады.

Артур никаких перемен в жене не замечал, а если что-то и замечал, то не придавал увиденному значения. Не спрашивал он и о ремонте, а если Регина начинала с ним советоваться или пыталась отчитаться, он неизменно отмахивался: «Как сделаешь, так и хорошо! Лишь бы тебе самой нравилось!» Виктору он продолжал оказывать полное доверие и всячески подчеркивал свое дружеское расположение. Время от времени он даже предлагал Виктору деньги, причем суммы достаточно крупные, чтобы это не выглядело подачками, и говорил при этом: «Возьми-ка в долг до лучших времен!» Суммы эти, разумеется, никак специально не оговаривались, никаких расписок Виктор Артуру не давал, и было совершенно очевидно, что всерьез об их возвращении ни тот, ни другой не думали.

Одна Рахиль Моисеевна все видела, все понимала и тихо кипела от еле сдерживаемого негодования. Как-то она даже намекнула Регине, что та слишком «сдружилась с приятелем мужа» и что к добру это не приведет. В ответ Регина закатила истерику, наорала на свекровь и пожаловалась мужу. Артур попросил мать не приставать к Регине и оста-

вить свою подозрительность: «Мама, Регина взрослый человек и сама знает что делает». Рахиль Моисеевна послушно умолкла, не умея перечить своему замечательному сыну – кормильцу всей семьи и – подумать только! – владельцу настоящей немецкой фирмы! Но Виктора она перестала замечать и за общими трапезами говорила о нем исключительно в третьем лице и без имени: «Артур, передай своему другу хлеб!» Это «твой друг» звучало так ядовито, что Виктор поживался, а Регина смотрела на свекровь с молчаливой ненавистью...

Виктор тянул пиво сквозь зубы, тонкой струйкой. Любимый монастырский «оптиматор» сегодня отчего-то казался невкусным: то ли пиво переслащено, то ли в него переложили солода – в общем, не то и не то. Возможно, ему просто попалась бутылка, налитая со дна бочонка. Блондинка напротив уже допивала свое пиво, так ни разу и не взглянув на него...

Конечно, узость взглядов и, что уж там таить, полное бескультурье Регины наводило на него оторопь. Когда она в первый раз сказала ему, что за жизнь не прочитала ни одной книжки, он ей не поверил. Но потом он убедился, что так оно и есть: Регина не читала книг и не понимала, зачем это надо делать.

– Разве это плохо? – удивлялась она. – Другие не катаются на коньках, не играют в теннис и не умеют ездить верхом, а вот я все это умею! Знаешь, некоторые люди даже не водят

машину: согласишься, что это гораздо более нецивилизованно, чем не читать книжек.

– Но ты же училась в школе! Как же ты отвечала по литературе, писала сочинения, сдавала экзамены?

– Ну, мое дело было ходить в школу и хоть что-нибудь отвечать на уроках, а уж отметки – это была папина забота. Деньги, милый мой! А у моего папочки они были. У меня, между прочим, в аттестате зрелости нет ни одной тройки.

– Так ты что, и «Муму» не читала?

– Что еще за «Муму»? Французский роман какой-нибудь?

Виктор захохотал и покатился, колотя кулаками по песку. А Регина взяла бутылку минералки и вылила ему на голову, чтобы привести его в чувство, и при этом тоже весело смеялась.

Так вот и тянулся их берлинский роман, ни шатко, ни валко, пока ни к чему не приводя. Но однажды Виктору позволила Жанна и сообщила, что ее уже зачислили в постоянный штат радио Свобода и она подыскивает для них квартиру, так что пора и ему переезжать в Мюнхен: даже если для него вакансия на радио откроется не сразу, с ее постоянной «американской» зарплатой им не о чем беспокоиться. Виктор стал искать повод для отсрочки:

– Жанна, у меня же нет денег на переезд! Я два месяца не платил за квартиру, да еще надо заплатить по счетам за газ, электричество, телефон...

– Сколько тебе нужно? – сразу спросила Жанна.

– Ну, тысяч пять, я думаю, должно хватить. – Он уже придумал план: надо уговорить Артура отпустить их с Региной и детьми на недельку на балтийскую дачу Артура, а для этого нужны и свои деньги: вечерами они будут укладывать детей спать, а сами уходить в ресторан. За эту неделю необходимо будет окончательно решить их дальнейшие отношения с Региной. Кроме того, деньги ему нужны будут, чтобы показать Регине, что он не такой уж нищий...

Но у Жанны был характер и, что еще хуже, ума у нее тоже хватало.

– Пять тысяч – это слишком много. Ты заплати за квартиру и сдай ее хозяину, а по остальным счетам мы заплатим отсюда. Жду тебя через неделю, тут полно всяких проблем, надо подыскивать квартиру, а у меня на радио идет испытательный срок. В общем, ты мне нужен здесь, – и она повесила трубку.

Он пытался ей дозвониться и отговориться от немедленного переезда, но в пансионе, в котором временно жила Жанна, телефон не отвечал, а ее рабочего номера он не знал. Пришлось сказать Регине, что жена требует его переезда в Мюнхен, и она, как водится, закатила истерику.

– Ты меня не любишь! – кричала она, заливаясь слезами. Она рыдала и грозила покончить с собой, немедленно все рассказать Артуру, сойти с ума, бросить его, Виктора... Он обнимал ее, целовал, уговаривал и даже взывал к ее здравому смыслу:

– Пойми, Регина, я не мальчик и мне тоже нужна постоянная работа, а в Мюнхене есть возможность ее получить. Должен же я подумать о своем социальном положении?

– Нет, ты меня не любишь! Иначе ты не собирался бы променять мою любовь на работу. Чем тебя не устраивает твое теперешнее положение?

– Регина, «безработный любовник» – это не положение даже в самом дурном обществе.

– Не дури мне голову! Ты просто хочешь вернуться к своей жене, этой интеллектуалке, которая не умеет тебя ценить. Неужели ты все еще любишь эту женщину?

– Региночка, девочка, ты же знаешь, что ты – моя единственная любимая женщина. Но, к сожалению, ты жена другого... У нас с тобой нет никаких перспектив.

Регина моментально успокоилась, вытерла слезы и спросила:

– Ты предлагаешь мне развестись с Артуром?

– Ну да! – тут же подхватил ее мысль Виктор. – А я разведусь с Жанной, и тогда мы с тобой сможем пожениться. Для этого я и еду в Мюнхен.

– Я согласна. Мой муж – благородный человек, он меня простит, конечно. Он всегда говорил, что мое счастье и счастье наших детей для него главное в жизни. Только нам нам с тобой надо все хорошенько продумать...

– А вот думать буду я. Незачем думать об этом еще и тебе, – сказал он, мысленно добавив: «Да и нечем!».

Но Регина иногда поражала его хитренькой прозорливостью.

– Не хочешь ли ты сказать, что я глу-у-упая и не могу думать ни о чем серье-е-езном? – протянула она, прищурившись.

– Нет, моя прелесть, этого я не скажу. Как женщина ты очень и очень умна. А хочешь, я покажу тебе, где помещается настоящий ум у хорошенькой женщины?

– Хочу-у-у! Покажи-и-и! – пропела она, жмурясь еще больше. И он ей показал.

Неделя до его отъезда прошла у них как в бреду. Регина была неутомима в постели и очень утомительна до и после. Она то вцеплялась в него, как ребенок, у которого отнимают любимого медвежонка, и кричала в слезах, что ни в какой Мюнхен его не отпустит, то шипела рассерженной кошкой и грозила собрать чемодан, сказать Артуру всю правду и сегодня же вернуться сюда, к Виктору, чтобы остаться с ним навсегда.

– И что ты тогда будешь делать, миленький?

– Миленький подаст на развод и пойдет работать грузчиком, чтобы прокормить новую жену, – спокойно покуривая, отвечал Виктор.

– Ты в самом деле готов забыть о Мюнхене, Свободе и Анне, чтобы жить здесь со мной?

– А ты сомневалась?

Регина в нем не сомневалась. Она сомневалась в себе.

– Какой ты реши-и-ительный! – тянула она, целуя его, и признаваться мужу не спешила. В конце концов они рассудили, что сейчас Виктору и вправду лучше ехать в Мюнхен, дожидаться вакансии на радио, а уж после того, когда он станет материально независим от Жанны и сможет с ней развестись, он снимет свою квартиру и Регина переедет к нему. Артуру решили ничего пока не говорить, но Регина обещала позаботиться о своем будущем финансовом благополучии.

– Я не собираюсь садиться тебе на шею! – говорила она. – Артур сам настоял, чтобы я сидела дома, и это его вина, что у меня ни образования, ни профессии, так что он просто по закону обязан обеспечить мне привычный уровень жизни. Я думаю, он выделит мне часть своего состояния после развода.

– А нельзя сделать так, чтобы он сделал это до, а не после? Пойми, детка, я ведь не о себе забочусь: любой муж до развода щедрее, чем после.

Регина обещала подумать. Но она больше думала о предстоящей им разлуке.

– Вики, ты становишься скучным, когда говоришь о деньгах! – упрекала она.

– Это потому, что я знаю им цену.

Но он понимал, что перед разлукой должен напитать Регину эмоциями, позитивными и негативными – какими угодно, лишь бы побольше! Знал он этих охотниц за любовью, для которых вся ценность любви заключалась не в сексе и даже

не в чувстве, а в разнообразии эмоций: чем больше киноподобных переживаний – тем лучше. Сам тоже великий охотник до женских эмоций, он по большому счету все-таки ценил в женщинах преданность и постоянство, и его искренне печалило предстоящее расставание с Жанной. Что же касалось Регины, тут он твердо знал, что брак с нею станет всего лишь этапом его жизни, еще одной попыткой подняться наверх. Остаться с нею навсегда? Ну нет, хлопот потом с такой женой не оберешься... И навряд ли он, Виктор, станет последним любовником в ее жизни: если кошке удалось попробовать живую мышку, ее на кошачьих консервах уже не продержишь. В таких вот разговорах пролетела неделя, наступило время отъезда, и Виктор покинул Берлин. Поехал он поездом, а Регина, Артур и даже дети провожали его на вокзале «Зоо» и дружно махали вслед отъезжающему экспрессу.

Блондинка расплатилась и ушла, а Виктор все никак не мог допить свой «оптиматор». Нет, монахи определенно испортили этот бочонок! Он отодвинул недопитую кружку, позвал официантку и попросил принести ему светлого пива.

Регина писала ему до востребования, как и он ей. Правда, он писал редко, а она почти каждый день. Он и на почту заходил не часто, раз в две-три недели: забирал всю пачку писем, садился за столик в кафе или пивной, пробегал их глазами, выискивая нужную информацию, отмечал какие-то фразы и тут же писал ответ на одном листке. Просил быть осторожной и больше думать не о сегодняшней вынужден-

ной разлуке, а об их счастливом будущем. Но редких писем Регине было мало, и она принялась названивать ему домой. Номер она знала: он сам позвонил Артуру и дал их с Жанной телефон, чувствуя, что не стоит так сразу рвать с ним отношения, да ведь и должок был за ним. Регина, хитрая кошка, устроилась со звонками так, что сначала по ее просьбе звонил Артур, а уж потом, после его разговора с Виктором, и она тоже брала трубочку. Если Жанны не было дома, Виктор говорил ей о любви, а она, если Артур оставался рядом, отвечала светским голосом: «Надо же... Приятно слышать... мы за тебя очень рады...» – и эта игра тоже нравилась ей. Иногда Артур звонил сам и просил Виктора поговорить с Региной: «Слушай, ну поговори ты с ней, если у тебя есть время: она достала меня своими жалобами на скуку с тех пор, как ты уехал. Ей, видишь ли, после твоего отъезда стало не с кем поговорить о смысле жизни!» Артур, посмеиваясь, передавал трубку жене и чаще всего уходил. Виктор плел Регине обычную любовную чепуху, а она балдела на том конце линии. Когда же разговаривать приходилось в присутствии Жанны, надо было осторожничать: он говорил с Региной, будто бы продолжая разговор с Артуром: «Артур, дорогой мой, ты же знаешь, как я люблю тебя. У меня не было друга дороже тебя. Скажи одно слово – и я немедленно приеду в Берлин, если я тебе нужен!»

Как-то Жанна выразила недоумение по поводу странного стиля этих разговоров:

– Услышал бы кто со стороны, подумал бы, что беседуют два гея!

– Что ты понимаешь в мужской дружбе! – усмехнулся Виктор. – Знаешь, я стольким обязан Артуру, что если он и вправду вызовет меня в Берлин – я полечу немедленно. У него там какие-то неприятности в бизнесе.

– В бизнесе? – пуще того удивилась Жанна. – А что ты, дорогой, понимаешь в бизнесе?

– Ничего! – отрезал Виктор. – Но я прекрасно разбираюсь в людях и знаю, какими словами их можно ободрить.

– Ну-ну... – неопределенно сказала Жанна. Она вообще вела себя в то время как-то непонятно для Виктора, может быть, даже что-то подозревала, но таила свои подозрения до срока.

Зато Регина нагло требовала от него заверений, что он не живет со своей женой.

– Успокойся! – отвечал он. – У меня нет близких отношений с Анной.

– Почему же ты не снимешь квартиру и не уйдешь от нее?

– Да потому, что у меня нет денег! Вот устроюсь работать на радиостанцию, тогда и соскочу с этого трамвая! А сейчас, если я ее вот так сразу брошу, она может перекрыть мне пути на Свободу: связи-то там у нее, а не у меня!

– Ну и пусть перекрывает! Денег Артура нам с тобой хватит до конца жизни.

Виктор фыркнул.

– Где они, деньги Артура? Ты сама затягиваешь решение нашей общей судьбы, а попрекаешь меня. Требуешь, чтобы я поступился всем, а сама ничем не хочешь рисковать.

– Но я же в принципе готова ради тебя оставить детей и любящего му-у-ужа! – обиженно тянула Регина сквозь слезы. – Это ты все время заставляешь меня страдать от неизвестности!

Пачки писем от Регины, звонки по часу и свиданья раз в месяц – она прилетала к нему в Мюнхен, чтобы провести несколько часов в гостинице! – все это изнуряло Виктора. Пару раз открывались вакансии на радио, но у него не было времени и сил подготовиться к собеседованиям, и он не стал рисковать. Порой он готов был порвать с Региной и всерьез добиваться работы на Свободе, или хотя бы подучить свой паршивый английский. Но неопределенность отношений изнуряла его, не хотелось ничего делать. Он целыми днями то лежал на диване, то просто бесцельно бродил по улицам Мюнхена. И только мысль о будущем Приюте русских художников в Италии, о будущей славной и безбедной жизни известного мецената давали ему силы терпеть этот бесконечный и бесконечно пошлый сериал.

– Ты боишься уйти от Артура и потерять свое благополучие. Но подумай сама, как я уйду от Жанны, если квартира, в которой мы живем, снята на ее имя, все вещи, вся мебель куплены на ее деньги. С чем я уйду? Да у меня нет денег даже на то, чтобы снять какую-нибудь мебелирашку! Как ты пред-

ставляешь себе мой внезапный развод с нею? Я что, должен уйти на улицу, ночевать на вокзале? Или ты думаешь, что мы будем жить после развода по-советски – на одной жилплощади? Я не способен каждый день смотреть в глаза женщине, которой я разбил жизнь. А кроме того, в Германии от подачи заявления и до рассмотрения дела о разводе в суде супруги обязаны целый год жить раздельно.

– Так нет же ничего про-о-още! – радостно пропела Регина. – Я пришлю тебе деньги на новую квартиру и на развод! У меня ведь есть немного своих денег.

И она действительно прислала ему до востребования десять тысяч марок. Виктор немедленно открыл для них отдельный счет в банке, взял тысячу себе на текущие расходы, а остальные положил на счет. Но в банке он забыл предупредить, что не хочет получать никаких банковских писем на свой адрес, и это-то его и подвело. Почту всегда забирала из ящика Жанна: достав синий конверт со штемпелем банка, она машинально открыла его и увидела извещение на имя Виктора, гласившее, что на его счету девять тысяч.

Она показала извещение Виктору:

– Ты можешь объяснить, что это за деньги?

– Это мои деньги. Мне их подарил мой друг Артур.

– В честь чего это он делает такие подарки?

– А вот в честь нашей дружбы и делает.

– Этот тот самый Артур, которого ты иногда называешь Региной?

– Регина – это жена Артура. Я иногда разговариваю с ними обоими.

– Так дружба у вас втроем?

– Это что, допрос?

– Нет, простое любопытство.

– Могу его удовлетворить: у Артура с женой проблемы, а я, как старый друг обоих, пытаюсь им помочь.

– Ну-ну... – Жанна с непонятной полуулыбкой ушла от дальнейшего разговора. Виктор предложил ей погасить из этих денег долг за мебель, но она отказалась:

– Оставь на своем счету, кредит нас не торопит. Давай лучше купим тебе хороший письменный стол.

Он кивнул и оставил все как есть.

А через несколько дней рано утром позвонила Регина, вся в слезах и соплях, наткнулась на Жанну и попросила позвать Виктора.

– Простите, а кто его спрашивает? – заволновалась Жанна, услышав в трубке сдавленный плач.

– А вам не все равно? Если он дома – позовите его, а нет – повесьте трубку!

Жанна молча положила трубку возле аппарата и позвала Виктора.

– Я перезвоню тебе попозже! – сказал поднятый с постели Виктор.

– Кто это звонил? – спросила Жанна.

– Жена Артура. У них опять скандал.

Жанна, казалось, поверила и на этот раз.

Подвела его, как всегда, небрежность. Он привез с собой все свои берлинские фотографии, не просматривая и не отбирая, просто сунул конверты из фотомастерской в чемодан. Но вот был куплен письменный стол, а Виктор все никак не мог собраться с духом и разместить в нем свои берлинские бумаги: все его бумажное хозяйство так и лежало в кладовке, в его старом чемодане, который Жанна мечтала выбросить. Как-то, убираясь в тесной кладовке, она в очередной раз попыталась разместить на узком пространстве чемодан, пылесос, ведро и щетки, рассердилась, вытащила чемодан в коридор, раскрыла его и стала сама разбирать бумаги и рассовывать их по ящикам письменного стола. И конечно же, она обнаружила целую пачку фотографий Регины! В том числе одну с томной обнаженной Региной на постели в берлинской квартире Виктора, которую Жанна тотчас узнала. А на обороте фотографии была надпись круглым детским почерком – «Единственному от единственной!»; на других фотографиях стояли скромные надписи, сделанные рукой Виктора: «Регина Равич» – и разные даты.

Скандал разразился чудовищный.

– Сколько же ты лгал! – возмущалась Жанна. – Ты теперь и сам наверняка не помнишь, что ты мне городил по поводу своих вечно ссорящихся супругов-друзей.

Виктор попытался внушить Жанне, что связь его с Региной теперь уже в прошлом, но Жанна резонно заметила:

– Но звонит и рыдает в трубку она не в прошлом, а сейчас. А те деньги, что лежат у тебя в банке – они от Регины или Артура?

Виктор понял, что дело идет к разрыву, а потому решил с деньгами ничего не скрывать.

– Эти деньги мне прислала Регина на тот случай, если я захочу расстаться с тобой – чтобы я мог снять себе жилье.

– Ну так расставайся и уходи, снимай жилье, покуда деньги целы!

– Ты этого хочешь?

– Да, хочу.

– Ну что ж... Только помни – ты сама этого захотела!

– Я не забуду, – кивнула Жанна. – Вещи ты заберешь сразу или придешь за ними потом?

– Как? – растерялся Виктор. – Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас и ушел, вот так сразу?

– Конечно! А чего тянуть? Все же предельно ясно.

– Но куда же я пойду?

– Как это – куда? В любой приличный отель. Деньги у тебя есть, а мало будет – твои друзья пришлют тебе из Берлина. – Жанна уже вытащила из чулана злополучный чемодан, который так и не успела вынести на помойку, и принялась как попало швырять в него одежду и вещи Виктора. Это было уже слишком! Он ушел и первую ночь действительно провел в отеле, а на другой день снял однокомнатную меблированную квартиру на Леопольдштрассе и стал ждать дальней-

шего развития событий. Жанне он не звонил, и она тоже его не искала.

Светлое пиво не было ни тягучим, ни переслащенным: оно было кислым и горьким.

«Что за чертовщина и с этим пивом? Или это со мной что-то не так? Уж не заболеваю ли я?» – испугался Виктор и отодвинул недопитую кружку. Он попросил официантку кружку унести, а ему принести крепкий чай с лимоном.

Блондинки напротив давно уже не было, на ее месте теперь сидела китайская или корейская пара и переговаривалась, сблизив головы и поглядывая по сторонам. Потом девушка осталась на месте, а парень вышел и стал напротив окна пивной. Мимо него шел поток пассажиров. Виктор какое-то время с машинальным интересом наблюдал за ним: с чего бы это он оставил девушку в пивной, но стоял снаружи у нее на виду? К парню подошла женщина средних лет и что-то спросила: парень ответил, потом что-то сунул ей в руку, а она – ему. «Наркотики он продает, что ли?» – равнодушно предположил Виктор. Но спустя недолгое время углядел, что тот продает из-под полы сигареты. Через какое-то время парень вернулся в пивную и подсел к девушке. Настороженно озираясь, они повозились с сумкой, стоящей под столом, и парень снова вышел на промысел, а девушка осталась за столом.

Через неделю после переезда Виктора явилась Регина, оглядела его новое жилище и пришла в восторг.

– Какая уютная квартира, Вики! Ну просто настоящая норка для одинокого зверька! Но теперь ты не будешь одиноким и скучать я тебе тоже не дам. И для начала я тебе верну долг.

– Какой долг, дорогая?

– Ты же помогал мне обставить заново мои апартаменты! – Оба засмеялись, вспомнив, как начинался их роман. – А теперь я помогу тебе навести уют! – Она открыла дверцы почти пустого шкафа, проверила, как работают плита и электронагреватель для воды, спрятанные за передвижной панелью на роликах, присвистнула, увидев белую внутренность пустого холодильника – и принялась играть в маленькую хозяйку маленького домика; в первую очередь она потащила Виктора по магазинам, накупила нужной и ненужной посуды, выбрала очень дорогие шторы на окно и коврик на пол, накупила растений в горшках и кашпо и разместила их по всем углам; в довершение она до отказа набила продуктами холодильник и подвесные шкафчики над встроенной кухней, что было и в самом деле кстати. Они провозились с этим до обеда, а после отпраздновали новоселье в преобразившейся квартирке.

– Неужели тебе тут действительно нравится?

– Угу. Некоторые женщины любят обставлять свой флирт с комфортом, а я больше всего на свете ценю уют.

А с ней и вправду было уютно. Регина бочком передвигалась по тесной комнате в старой рубашке Виктора с засучен-

ными рукавами, жарила вырезку на крошечной плите, резала овощи для салата, положив резальную доску поперек маленькой раковины, и, казалось, была и в самом деле счастлива. После обеда они легли в постель, занялись любовью, немного поспали – и пора было вызывать такси и ехать в аэропорт.

– Как мне не хочется улететь от тебя! – сказала Регина, целуя его перед выходом в посадочный салон. – В следующий раз я постараюсь что-нибудь придумать для Артура и прилететь на несколько дней. Знаешь, о чем я мечтаю?

– О чем, маленькая?

– Проснуться утром в твоей комнате-шкатулке от запаха кофе и яичницы с беконом, и чтобы ты принес мне завтрак на подносе.

– Так давай сдадим билет и ты останешься со мной – и уже завтра утром я подам тебе кофе в постель. Кофе, яичницу, бекон и что там еще. М-м-м?

– Мы что-нибудь обязательно придумаем, дорогой!

– Мы уже все придумали: получи от Артура обещанные деньги и подавай на развод.

Она зажала ему рот долгим поцелуем, а после прошептала:

– Потом, потом, дорогой! Скоро, совсем скоро, вот увидишь! – и заторопилась вслед за пассажирами: уже объявили посадку на берлинский рейс. Но Виктор удержал ее за руку.

– Регина! Что мешает тебе сделать решительный шаг? Ты

что, не хочешь мне довериться?

– Ну что ты, любимый! Как я могу не верить тебе? Просто я не хочу причинять Артуру слишком большие страдания, мне хочется устроить все как-нибудь помягче... Ведь мы десять лет прожили с ним, он всегда так обо мне заботился! Нет, дорогой, я не могу сразу нанести ему такой удар, я должна его сначала подготовить.

– Подготовить что – удар? – раздраженно сострил Виктор.

– Фу, какой ты дурачок! Подготовить Артура, чтобы он мог этот удар вынести. Ну все, все! Отпусти меня! Я решусь, честное слово, решусь, ты только не торопи меня! – и она убежала за двери в стеклянной стене.

Регина не торопилась. Зато свиданья их стали продолжительнее: она нашла в Мюнхене русского врача-терапевта и заявила к нему лечить астму, сославшись на каких-то берлинских знакомых, якобы очень им довольных. Врач несколько удивился, но был польщен и начал лечить Регину: теперь у нее появился серьезный предлог ездить в Мюнхен для визитов к врачу. Артур как будто не видел в этих поездках ничего плохого, более того, он позвонил Виктору и сказал:

– Регина моя нашла какого-то лекаря-кудесника в Мюнхене, который будто бы ей помогает. Слушай, ты не откажешься по старой памяти присмотреть за ней? Покажи ей город, свози в Альпы, по ресторанам поводи. Могу я на тебя рассчитывать?

– Ну конечно! – заверил Виктор.

Их свиданья с Региной обрели какой-то удручающе семейный характер. Регина накупила себе белья и нарядов и забила всем этим шкаф, оттеснив вещи Виктора в уголок. Она приобрела пылесос и микроволновую печь и трогательно играла роль хозяйюшки. Виктора это раздражало, и он так ей и говорил:

– Ты играешь в игру под названием «Рай в шалаше», но долго тебе не придется этим развлекаться. Жанна делает все, чтобы я не попал на Свободу, и я бы давно укатил отсюда в Штаты, если бы не ты. Только ты одна держишь меня в Германии. Но так не может продолжаться до бесконечности, я должен думать если не о нашем общем, то хотя бы о своем будущем!

– А я не очень-то уверена в тебе, дорого-о-ой! – лукаво выпевала Регина. – А вдруг ты меня обманываешь и продолжаешь отношения со своей бывшей женой?

– Что за чушь!

– Она никогда не бывает здесь?

– Никогда! – решительно солгал Виктор. Он никогда не придавал значения содержанию того, что он говорил женщинам, считая, что убедительными должны быть голос и взгляд, а не слова и смысл. Но втайне он удивился пронизательности Регины: как раз накануне ее приезда Жанна была у него и оставалась ночевать. И зачем ему было нужно оставлять ее у себя? Дурацкая привычка испытывать привязанность своих

бывших женщин... Он принялся успокаивать Регину и успокоил – в тесной квартирке постель всегда была рядом.

Так это и тянулось месяц за месяцем, и Виктор стал замечать, что не только он, но и Регина начинает уставать. И в это последнее свиданье, после которого Регина прислала ему похоронный венок, он повел на нее решительную атаку – и совершил ошибку, вспугнул птичку; и птичка улетела вместе со всеми своими золотыми яичками. Удастся ли теперь все повернуть вспять, чтобы потом снова двинуться вперед? Да, конечно! Он просто немного подустал, потерял контроль над ситуацией. Теперь он должен собраться с мыслями снова все взять в свои руки, расставить все и всех по местам. Он допил чай и взглянул на часы: Регина уже час как вернулась домой и пора уже было ей звонить. Он расплатился за пиво, чай и обед и попросил официантку разменять ему двадцатимарковую бумажку на пятимарочные монеты: на более мелкие та отказалась менять – ей надо было давать сдачу.

Он вышел из кабачка и спустился в метро, к телефонным автоматам, опустил сразу три монеты и набрал номер. К телефону, как назло, подошла Рахиль Моисеевна; Виктор измененным голосом попросил по-английски пригласить к телефону миссис Регину Равич. «Сейчас позову!» – буркнула по-русски вредная старуха, и тут же Виктор услышал, как она кричит в сторону: «Регина, возьми трубку! Там тебя твой мюнхенский хахаль вызванивает. И скажи ему, чтоб не валял дурака по-английски – с его-то произношением!»

Услышав в трубке высокий мяукающий голос Регины, Виктор, как делал всегда, немного отвел трубку от уха: тем не менее ее «Халло-о-у-у!» прозвучало так, будто она твердо уверена в наслаждении, доставляемом ее голосом всякому, кто находится на другом конце провода. На мгновение на место привычного раздражения где-то в области грудины поднялась волна холодного бешенства, но Виктор тут же придавил ее.

– Что случилось, киска? Что ты опять придумала?

– Это ты-ы? – деланно удивилась Регина.

– Нет, Алэн Делон в черном пальто. Я спрашиваю, что случилось, детка?

– Только то, что должно было когда-нибудь случиться. Пока я была у тебя, Артур нашел мою неотправленную открытку к тебе.

– Черт! Большой был скандал?

– Скандала не было, потому что мы с ним не виделись.

– Как же ты узнала об открытке?

– Я еще из Мюнхена позвонила домой, чтобы узнать, как там дети, и тут Артур сказал мне, что ему теперь все известно о наших с тобой отношениях. Он велел мне принять одно решение из двух – либо развод с ним, либо разрыв с тобой.

– И ты не сказала мне ни слова, но сразу же решила расстаться со мной? Не сказав мне об этом, не посоветовавшись...

– Не совсем сразу, но... тут еще твоя жена... Вики, нам

все равно лучше было расстаться! Мой муж благородный человек, он, разумеется простит меня. А с тобой все было так неопределенно!

– Если бы я знал об этом, я бы постарался не отпускать тебя из Мюнхена. А жена моя тут при чем?

– Вчера, когда ты был в душе, она позвонила тебе, а я сняла трубку, и у нас с нею был разговор...

– Какой разговор?

– Мучительный. Она кричала, плакала и угрожала.

– И ты испугалась угроз этой психопатки? Не верю!

– Вики, она угрожала не столько мне, сколько тебе. Со мной она говорила даже с каким-то сочувствием и уверяла, что тебе нужна не я, а мои деньги, вернее деньги моего мужа. И еще она сказала, что ты любишь только ее, что ваши супружеские отношения никогда не прекращались, а со мной у тебя только игра... игра на деньги.

– Так и сказала?

– Да.

– И ты, дурочка, ей поверила?

– Поверила, потому что она привела очень веские доказательства.

– Какие еще «веские доказательства»? – Виктор приготовился к опровержению «веских доказательств» Жанны.

– Она попросила меня открыть твой шкаф и перечислила, в каком порядке висят твои рубашки. Оказывается, это она их стирает, гладит и развешивает.

Черт! Вот этого он не ожидал. Но попытался оправдаться.

– А что плохого в том, что моя бывшая жена, с которой мы, как интеллигентные люди, остались друзьями, иногда по-дружески помогает мне по хозяйству?

– Ви-и-и-ки! Но ты же мне говорил, что она никогда-а-а у тебя не бываа-а-ает! – Регина, до этого говорившая нормальным голосом, только спокойным и усталым, вдруг опять принялась «петь», и Виктор встрепенулся – может быть, еще не все потеряно?

– Детка моя, девочка моя маленькая, не позволяй злым людям, кто бы они ни были, разрушить нашу любовь! Не верь никому, кроме меня!

– Я пыталась. Но ты обманываешь меня, и крупно и по мелочам, на каждом шагу. Я больше не могу тебе верить. Ты ведь спишь с этой женщиной, твоей бывшей женой.

– Да нет у меня давно уже никаких женщин, кроме тебя! И с Жанной у меня давно ничего нет!

– Ну да, а ее шпильки то под кроватью, то в душевой на полочке, на самом видном месте? Я же их все время нахожу, когда убираю у тебя.

Черт бы побрал эту чертову рыжую гриву Жанны, которую она теперь укладывала в какой-то немислимый стог! Шпильки из него действительно так и сыпались.

– Подумаешь – шпильки! Ты свои трусики постоянно у меня забываешь и косметику...

– Так ведь я же и вправду сплю с тобой!

– А Жанна убирается в моей квартире и потому теряет тут не трусики, а шпильки! Неужели трудно сообразить? Если бы это не было вполне невинно, я бы уж как-нибудь догадался каждый раз убирать ее шпильки. Ты думаешь, я их не видел? Да видел десятки раз, но каждый раз только клал их на видное место – придет Жанна и заберет. Она сама тебе напомнила про шпильки?

– Ну да...

– Так, значит, она их еще и специально подкладывала! Если бы я придавал этому значение, я бы сам убрал этот опасный металл.

– Если это и вправду так, то она действительно опасна. Если бы ты слышал, каким голосом она произносила угрозы в твой адрес!

– В мой адрес, ты говоришь?

– Ну да. Она сказала: «Возвращайтесь к своему мужу, а я здесь покончу с Виктором сама! Он будет наказан!»

– Так и сказала – «покончу», «будет наказан»?

– Ага, вот именно так и сказа-а-ала! – ехидненько пропела Регина. – Наконец-то тебя хоть что-то встревожило по-настоящему.

– Да ничуть меня это не встревожило. Я просто удивляюсь ее внезапной ревности и злости.

– Чему тут удивляться? Сам же и довел ее до такого состояния, что она готова убить тебя. Она мне сказала, что ты и прежде обманывал ее...

– А, так вы еще и спелись! Уж не Жанна ли подсказала тебе этот драматический жест с венком?

– Каким венком, Вики?

– «Благодарю за любовь!». Очень эффектно.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, Вики! – В голосе Регины Виктор услышал неподдельное недоумение и сразу же ему поверил. Он рассказал ей об утренней находке.

– Ах нет, Вики! Я к этому никакого отношения не имею! Да и твоя Жанна, скорее всего, тоже: она же серьезная и деловая женщина, к чему ей... Ох! – и она замолчала: Виктор так и увидел, как она прикрыла ладошкой рот и вылупила глаза.

– Ну? Чего ты молчишь – выкладывай! – нетерпеливо потребовал он.

– Я просто вспомнила одну вещь, которую сказала твоя бывшая жена.

– И что же такое она сказала?

– Она сказала про тебя: «Он считает, что оказывает женщинам величайшее благодеяние, когда завязывает с ними роман, и очень удивляется, что они, прощаясь, не благодарят его за любовь!»

– Да, миленькие разговоры ведут за моей спиной жена и любовница...

– Так все-таки Жанна – жена, а я – любовница?

– Ну а кто же ты, сама подумай! – И он тут же пожалел о сказанном, потому что в ответ раздались короткие обижен-

ные гудки. Он выждал несколько минут и достал из кармана последнюю пятимарочную монету, опустил ее в прорезь и снова набрал номер Регины. Она сняла трубку.

– Халло-о-у-у?

– Регина, прости, если я тебя обидел. У нас сегодня разговор что-то не получился. Давай пока попросимся по-доброму, а завтра я тебе позвоню. Когда тебе будет удобно говорить со мной?

– Ни-ког-да! – торжествуя, ответила Регина.

– Но мы ведь не можем просто так взять и расстаться!

– Можем, Вики, очень даже можем! Я не стану из-за тебя разрушать свою жизнь.

– И это все, что ты хочешь мне сказать?

– Ну, если тебе так хочется, то могу тебе сказать на прощанье «Благодарю за любовь!» – и она засмеялась таким злым смехом, что Виктор на этот раз сам повесил трубку. И тут же чертыхнулся: надо было не вешать, а просто слегка ударить по рычагу – тогда бы не провалилась пятимарочная монета, и он мог бы еще кому-нибудь позвонить, Жанне, например.

Глава 2. Венок от Жанны

Еще не остыв от разговора с Региной, Виктор решил немедленно ехать к Жанне, если она сегодня не дежурит на радио: редакторы программ работали иногда и по выходным. Ему хотелось поскорей выложить ей все, что он думает о ее телефонном заговоре и об этой ее выходке с венком. А он-то думал, что это Регина додумалась до такого театрального действия! Ну да куда ей, мешаночке, ее «телевизионного образования» на это не хватило бы. Но вот как умница Жанна могла унизиться до телефонных переговоров с любовницей мужа – вот это было непостижимо, это сердило его и... успокаивало: если с Региной и в самом деле все рухнуло, так ведь, получается и кстати, что он не развелся с женой. Надо налаживать отношения с Жанной.

Он прошел по подземному переходу Восточного вокзала и поднялся на платформу. Уже вечерело, час пик миновал, поезда стали ходить реже, и он изрядно продрог на открытой с боков платформе, поджидая свою электричку. Ничего, сейчас он сядет в поезд, доедет до остановки Энгельшалкинг, а там пять минут хода до дома Жанны. Он не станет ничего выяснять, а попросит напоить его чаем. Жанна предложит ему поужинать и начнет хлопотать на кухне. Все-таки жена есть жена!

Нет, Жанна вовсе не такая холодная интеллектуалка, как

он расписывал Регине, но какой женатый мужчина, соблазняя приглянувшуюся женщину, не пожалуется ей на свою жену? Вот только самого себя не стоило так накручивать против Жанны в угоду этой дурочке, теперь с ходу трудно перестроиться... Ничего, он с этим справится, настроится на нужную волну. Да он уже и начал. Теперь, чувствуя, что Регина ускользнула из его рук, и все связанные с нею планы рухнули, он отчетливо видел, как в сущности ничтожна эта капризная и жадная до эмоций мешаночка, одухотворенная разве что сексом и богатством своего умницы мужа. А уж тем более в сравнении с Жанной! Всего год прожила Жанна в Мюнхене, а уже сумела войти в нужный круг: среди ее новых приятелей оказались и крупный русский писатель, и старый русский художник, ученик Филонова, и пианист, международный лауреат, ну и, само собой, несколько знаменитостей, подвизавшихся на радио Свобода. Какие интересные вечера устраивала Жанна, как только устроилась на новой квартире! Именно новые друзья Жанны делали все возможное, чтобы и он, Виктор, получил работу на Свободе. Еще немного, и все бы получилось, но тут грянул скандал с Жанной, и все пошло прахом. Да, он был очень неосторожен... Но все еще поправимо, все еще в его руках!

Ежась на продувавшем платформу ветру и глядя на светло-лиловое полотно неба, расшитое кое-где ранними огнями и звездами, он вдруг вспомнил, что идея Приюта художников принадлежала, честно говоря, вовсе не ему, а Жан-

не. Это было прошлой весной. Из Ленинграда тогда чудом выехал Георгий Михайлов, коллекционер современной живописи и бывший политзаключенный. Уж чем он там насолил властям, этим Виктор никогда не интересовался, но факт был налицо: Михайлова, несмотря на его сопротивление, выдворили из страны, утешив его на прощанье – разрешили ему вывезти часть коллекции. Привезя в Мюнхен сотни две полотен, Михайлов решил устроить выставку и познакомиться мюнхенцев с полотнами знаменитых художников-нонконформистов. Жанна приняла в подготовке выставки самое горячее участие. Она нашла и меценатов среди немецких галеристов, которые и помещение дали, и официально пригласили троих более-менее тихих нонконформистов в Мюнхен для участия в вернисаже. Робкие и счастливые художники приехали, но меценаты отказались оплачивать им гостиницу и содержание; пришлось Жанне пригласить их к себе на постой. До выставки еще оставалось какое-то время, и Михайлов накупил холстов, кистей и красок и усадил художников за работу. В квартире Жанны стало не продохнуть от запаха краски и растворителя, но она была довольна, готовила на всех еду и не жаловалась. Потом, когда на улице потеплело, найден был компромиссный выход: художников выставили работать на лоджию, и в комнатах очистился воздух. Художники сидели на лоджии рядком и молча работали. Вот Жанна и сказала как-то, глядя на эту картину:

– А хорошо бы купить большой дом где-нибудь в итальян-

ской провинции и устроить в нем Приют русских художников.

– Хорошо бы купить квартиру в Мюнхене и устроить в ней приют для самих себя, – поддразнил ее Виктор. Но позже, когда совсем рядом зашуршали деньги Артура, он вспомнил эту фантазию Жанны и сделал ее своей Мечтой – с большой буквы. И почему, собственно говоря, он должен отказываться от своей Мечты после разрыва с Региной? Да черт с ней, с Региной! Если друзья Жанны помогут ему устроиться на Свободу, то с американскими зарплатами можно очень скоро собрать деньги на первый взнос за какую-нибудь замшелую итальянскую виллу, недорогую, требующую большого ремонта. А ремонт сделают сами художники – это будет их платой за проживание. Конечно, это будет уже не вилла на Бренте, но...

Подошла электричка, он вошел, отыскал место у окна, сел и начал согреваться. Ему представился небольшой одноэтажный дом на берегу Адриатики, где-нибудь в Остии или Ладисполи. Сад, а в саду под апельсиновыми деревьями расставлены мольберты художников. Из дома выходит Жанна, стройная, в длинном черном платье (потому и стройная), с высокой пышной прической. Она подходит к мольберту ученика Александра Исачева белоруса Стефана, бросает взгляд на стоящую на мольберте картину, а затем садится позировать в плетеное кресло напротив. Через некоторое время хозяин Приюта русских художников, то есть он сам, в линия-

лых джинсиках и простой рубашке с закатанными рукавами, подходит сзади к художнику и заглядывает через плечо: на полотне – портрет Жанны. На фоне темно-синего моря и лилового неба с яркими южными звездами. В ее темно-каштановых с рыжиной волосах яркая серебряная прядь, гармонирующая с серебряной лунной дорожкой на воде...

– Здорово ты все-таки умеешь работать со светом, Стефан! – одобряет он художника. Тот расцветает.

Он идет к другому художнику, Брусовани: у того на краю мольберта стоит его, Виктора, фотография, и он рисует с нее, разбрызгивая краску пульверизатором – у него это ловко получается, портрет подчеркнуто фотографичен. На портрете видно, как постарел Виктор, у носа пролегли две глубокие морщины много страдавшего человека, волосы его тоже поседели...

– Билетный контроль!

Перед вздрогнувшим Виктором стоял контролер. Черт побери, принесла нелегкая: ведь он забыл купить и пробить талоны на проезд! Можно было пуститься в объяснения, притворить ничего не понимающим эмигрантом, но на это не было ни сил, ни настроения, и он покорно протянул последние пятьдесят марок. Ладно, сейчас он приедет к Жанне, быстренько помирится с ней, поужинает и уведет ее в спальню... А завтра утром он одолжит у нее немного денег. Какая все-таки удача, что он не успел с нею развестись!

Жанны не оказалось дома. Виктор нажимал и нажимал

кнопку звонка, но, конечно, ничего не выжал. Он звонил с таким отчаяньем, будто мог замерзнуть на улице, если его не выпустят в дом. Трахнув кулаком по двери, он развернулся и пошел вниз по лестнице. Вышел на улицу, походил туда сюда по Энгельшалкингерштрассе, побродил в сквериках между домами, потом вернулся и снова позвонил. Жанны не было. И как же это он не догадался позвонить ей прямо с Восточного вокзала, может быть, тогда она еще была дома? А если и нет, то сидел бы там в тепле, за кружкой пива и ждал, когда она вернется... Но при воспоминании о том, каким прокуренным и кислым был воздух в пивной, каким невкусным, горьким показалось ему сегодняшнее пиво, какими унылыми выглядели посетители и официантки кафе, да и вся вокзальная публика, он решил, что лучше уж гулять на улице по свежему воздуху. И он снова отправился вышагивать поблизости от дома Жанны.

Небо потемнело еще больше, а звезды стали ярче. Потом с юга, со стороны Альп, стал накатывать белесый туман, от которого мороз еще усилился. У Виктора застыли пальцы на ногах и стало пощипывать кончики ушей и носа. Ехать домой? Разменять на билет последнюю десятку, оставшуюся после уплаты штрафа? А на вторую встречу с контролерами у него сегодня не было моральных сил. Идти домой пешком, топтать через всю северную часть Мюнхена? О, нет, на это он неспособен! Он дошел до станции «Арабелла-парк», купил билет и успел на один из последних поездов, идущих в

центр. В вагоне он тотчас задремал, привалившись виском к холодному стеклу окна.

Проснулся он от громкого голоса в репродукторе: пассажирам предлагалось покинуть вагон, поскольку дальше поезд не шел. Виктор покорно встал и вышел из вагона. Это была станция «Лехель» – дивное местечко для любителей свежего ветра. Прождав в полном одиночестве минут десять на открытой платформе, Виктор подошел к доске с расписанием и в тоске убедился, что поездов сегодня не будет. Он спустился в переход метро, поднялся по эскалатору на студеную улицу, уже совсем потонувшую в промозглом молоке тумана, и поплелся к себе на Леопольдштрассе. Хоть в одном ему повезло: идти надо было через Английский парк, а выпитое пиво уже нещадно распирало мочевого пузыря, и в парке он сразу же справил нужду за первым попавшимся большим деревом. Впрочем, в такое-то время в парке и прятаться было не от кого.

Виктор брел через бледно-серый туман, кое-где пронизанный расплывчатым мутным светом фонарей, минуя черные деревья, шел как сквозь какую-то оледенелую безжизненную страну, и ему чудилось, что лютый холод уже проник до самых сокровенных клеток его существа, до глубин костного мозга, до потаенных и хорошо упрятанных половых клеток, и казалось Виктору, что в этой жизни ему уже никогда, никогда не согреться.

Домой он вернулся глубокой ночью, почти под утро.

Негнушались пальцами кое-как стащил с себя одежду и, уронив ее на пол возле кровати, забрался под холодное одеяло. Он не стал тушить свет, и последнее, что он видел засыпая, был исполненный грусти и сострадания взгляд беллиниевской Мадонны, опущенный к нему чуть-чуть свысока из-под тяжелых длинных век.

Проснулся он рано, не успев толком ни выспаться, ни согреться. Злым рывком подняв себя с постели, он пошел ставить кофе. Пока грелась вода, он прошел в душ и пустил такую горячую воду, какую только мог вытерпеть; вскоре кожа его размягчилась и согрелась, но внутри он был все еще полон ледяным ночным туманом. Одевшись, он выпил первую чашку кофе. Ему показалось, что он пьет напиток, настоящий на хорошо прожаренном и тщательно размолотом старом резиновом сапоге: он и не согрелся внутри, и не взбодрился, только во рту стало еще противней. Закурил. Сигарета показалась набитой прошлогодней сенной трухой, от нее только в горле засвербило. Он бросил недокуренную сигарету в пепельницу, вылил в раковину остывающий кофе и снова пошел в душ с надеждой на этот раз согреться по-настоящему. Опять долго стоял под струями кипятка, потом крепко растерся еще влажным после первого душа полотенцем, влез в остывшую одежду и заставил себя почистить зубы. После всех этих бодрящих процедур вторая чашка кофе и вторая сигарета уже были с явственным привкусом табака и кофе, только вот вкус их почему-то поменялся местами:

кофе отдавал табаком, а сигарета – вчерашним кофе. Только тут Виктор наконец догадался, что простудился и простудился крепко. Забраться в постель, накрыться с головой и не высовываться? Да, это был бы прекрасный выход, если бы не дела: сегодня он должен, пока еще не поздно, увидиться с женой и все с ней уладить. Не может быть, чтобы с Жанной все было кончено: это не должно быть так, ему нужно, чтобы так не было! Он вспомнил, что вчера он, как последний дурак, поинтересовавшись тем, что Жанна сказала Регине, совсем забыл ее спросить – а что же она сама наболтала Жанне? И он тут же набрал телефон Равичей.

Подошел старший сын Регины.

– Робби, позови, пожалуйста, маму, – попросил Виктор, не называя себя, но и не пытаясь изменить голос – не до того было.

– Мам! Тебя дядя Витя зовет к телефону! – услышал он в трубке, и сразу вслед за тем:

– Халло-у-у?

– Регина, я должен с тобой серьезно поговорить.

– А я не хочу с тобой разговаривать. Я и трубку взяла только для того, чтобы сказать тебе: дорогой, между нами все кончено.

– Да понял я, понял... Мне нужно задать тебе только один важный вопрос.

– А я не хочу его слышать!

– Регина! Если ты бросишь трубку, я позвоню Артуру.

– Ну хорошо, спра-а-а-шивай.

– Что ты сказала Жанне о наших с тобой отношениях?

– Ах вот как! Тебя интересуеет Жанна, а не я!

– А ты хочешь, чтобы у тебя с мужем было все о-кей, но чтобы и отвергнутый любовник интересовался только тобой?

– А почему бы и нет? – кокетливо спросила Регина.

– Перестань кривляться. Ты возвратилась к мужу – я возвращаюсь к жене. Так что ты сказала Жанне?

– А почему ты мне груби-и-ишь?

– Прости, больше не буду. Так все-таки что ты сказала Жанне?

– Нет, если ты собираешься разговаривать со мной в подобном то-о-оне...

– Дура! Нет, ну какая же ты все-таки дура! – прошипел Виктор и швырнул трубку на аппарат. Ладно, с этим придется самому разобраться. Хорошо, что у него еще есть деньги на метро: он сейчас поедет к Жанне и будет сторожить возле ее дома, как украденный пес, вернувшийся к хозяйке с обрывком чужого перегрызенного поводка на шее... Кстати, этот образ надо запомнить и не забыть вернуть его Жанне. Соседи его знают, он им позвонит и они впустят его в подъезд. Там тепло. Он будет ждать Жанну возле ее дверей, как украденный пес... Хотя про это он уже думал. Жена придет и выпустит его в дом, накормит и обогреет, и весь их разлад забудется, как страшный сон, приснившийся во время болез-

ни. Вот это надо будет тоже запомнить.

С вечера он забыл поставить к батарее свои зимние ботинки, и теперь обнаружил, что они как промокли вчера насквозь, во время его полубезумного шествия через Мюнхен, так и остались мокрыми и холодными. Он со злостью швырнул их обратно под вешалку и достал из шкафа свои кроссовки: обувь хоть и не совсем по сезону, но зато сухая. Виктор замотал шарф вокруг шеи, натянул куртку и решительно шагнул за дверь – и едва не растянулся поперек коридора: его правая нога угодила прямехонько в середину вчерашнего елового венка с розами. Проклятье! Он стряхнул его с ноги, поднял и оглядел в сумраке коридора: да, венок тот же самый, только розы привяли. Да, это вовсе не Регина, это Жанна прислала ему венок после разговора с Региной и теперь нарочно избегает его... Он вернулся в квартиру и, не снимая ни куртки, ни шарфа, сел на кровать и задумался.

С Жанной он познакомился во Франкфурте-на Майне, на конференции издательства «Посев», куда его затащила Милочка. Они жили с Милой в крохотном городишке Эпштайне, в Таунусе: невысокие горки, маленький замок на холме, остатки римского водопровода, игрушечный городок в низинке и беломраморный, в виде беседки, памятник Менделесону на склоне горы... Славное было местечко. Он тогда ходил на курсы немецкого, а Мила работала в «Посеве». На конференцию съехались русские политэмигранты и писате-

ли из разных стран, было несколько знаменитостей, тут можно было завязать интересные знакомства, однако сама конференция проходила на взгляд Виктора довольно скучно – сплошная говорильня. Два дня читались и обсуждались доклады, в основном на политические темы, а Виктору политика была скучна, и вопреки тому, что в зале присутствовали люди, известные всему миру, он считал политику прибежищем бездарностей. В отличие от многих, приписывавших себе вымышленные заслуги в борьбе с советским режимом, он искренне, хотя и не вслух, гордился тем, что никогда ни к какому диссидентству причастен не был, не участвовал даже в движении «культурного андеграунда». Но Миле все эти люди и их скучные разговоры были интересны, и он таскался за нею, добродушно скучал и снисходительно наблюдал публику. Кое с кем Мила его познакомила, но теперь он уже и имен не помнил, не только что лиц, ведь с тех пор прошло уже семь лет. Из всей толпы его интересовали, как всегда, только женщины, а по-настоящему он заметил двух: графиню Елизавету Николаевну Апраксину, красивую старую даму в изысканном туалете, про которую Мила шепнула: «Это один из лучших детективов Европы и гроза КГБ!», и Жанну, длинноногую красавицу лет тридцати с пышной копной каштановых волос.

Только вечером второго дня конференции стало веселее: был устроен бал с концертом и ужином. Так случилось, не без стараний Виктора, помнится, что они оказались за одним

столом – графиня Апраксина, Жанна и он с Милой, и они неплохо провели время. Душой маленькой компании стала графиня Апраксина: она рассказывала анекдотические истории из жизни всех трех «волн» русской эмиграции, отпускала точные и не без перца замечания в адрес присутствующих, хотя о многих говорила с искренним уважением и даже, похоже, с любовью: кажется, она тут знала всех. Виктор тоже был в ударе: он говорил комплименты и танцевал со всеми тремя дамами, не исключая Апраксиной: именно с нею он сорвал аплодисменты всего зала за блестящее, чуть-чуть гротескное исполнение танго: Виктор изображал страсть, а графиня – гордое высокомерие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.